

МОСКОВСКИЕ КОЛЛЕКЦИОНЕРЫ

Наталья
Селенова

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Жизнь замечательных людей

Наталия Семенова

**Московские коллекционеры:
С. И. Щукин, И. А. Морозов,
И. С. Остроухов. Три судьбы,
три истории увлечений**

«ВЕБКНИГА»

2019

Семенова Н. Ю.

Московские коллекционеры: С. И. Щукин, И. А. Морозов,
И. С. Остроухов. Три судьбы, три истории увлечений /
Н. Ю. Семенова — «ВЕБКНИГА», 2019 — (Жизнь замечательных
людей)

ISBN 978-5-235-04740-2

Историю каждого собрания можно разделить на судьбу вещей и судьбу человека, их собравшего. Счастьем лицезреть лучшие в мире картины французских импрессионистов, а также Гогена, Сезанна, Матисса и Пикассо мы обязаны двум москвичам: дерзкому новатору, не боявшемуся эпатировать московскую публику, безжалостному к конкурентам коммерсанту Сергею Щукину и миллионеру Ивану Морозову, которого в Париже называли «русский, который не торгуется». Третий герой – Илья Остроухов по профессии был художник, но по призванию – собиратель и музеестроитель, с невероятным темпераментом, азартом и подлинной страстью он покупал французскую живопись и русскую графику; восточную бронзу и античное стекло. Именно ему ставят в заслугу открытие художественного феномена русской иконы, в которой ранее ценились совсем иные, нежели собственно живописные, достоинства.

ISBN 978-5-235-04740-2

© Семенова Н. Ю., 2019

© ВЕБКНИГА, 2019

Содержание

Предисловие	6
Часть первая	9
Глава первая	11
Глава вторая	20
Глава третья	29
Глава четвертая	32
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Наталья Семенова

Московские коллекционеры

© Семенова Н. Ю., 2019

© Издательство АО «Молодая гвардия», художественное оформление, 2019

Предисловие

Если не брать в расчет царский двор и аристократию, то коллекционировать в России начали купцы. Третьяковы, Щукины, Морозовы, Остроухов – классический московский набор. П. М. Третьяков в этой группе стоит особняком, как и его Галерея. Имя Третьякова никогда не замалчивалось, и у советских читателей и зрителей даже сложилось впечатление, что кроме Павла Михайловича коллекционеров в России не существовало. Но они были, и немало – в одной только Москве больше десятка, включая Сергея Ивановича Щукина, Ивана Абрамовича Морозова и Илью Семеновича Остроухова.

Жизнь этих трех московских коллекционеров уместилась в одну книгу. Писать ее было непросто. От Щукина осталось несколько страниц дневника, открытки брату и письма Матиссу. От Морозова – счета за картины, а от Остроухова, чье имя гораздо менее известно, нежели тандем Щукин – Морозов, – огромный архив, более тысячи писем и черновиков плюс всевозможные мелочи, вплоть до счетов на покупку кистей и букетов цветов.

Наши герои были друг с другом знакомы и даже находились в дальнем, но родстве, что для московского купечества неудивительно. Биографии их во многом типичны для русских купеческих династий. Московские домовладельцы, из семей староверов, относившихся к труду как к послушанию; Щукины – из боровских лавочников, Морозовы – из выкупившихся на волю крепостных. Тот и другой учились за границей, знали языки, любили музыку. Оба унаследовали отцовскую предприимчивость и приумножили капиталы, один – торгового дома «И. В. Щукин с сыновьями», другой – Товарищества Тверской мануфактуры. Жили в Москве по соседству: Щукин на Знаменке, у храма Христа Спасителя, Морозов – по другую сторону бульвара, на Пречистенке. Остроухов тоже купеческий сын и почти ровесник Щукина, но прикипел к богатейшему купечеству только к тридцати годам, женившись на дочери П. П. Боткина, двоюродной сестре Щукина.

С. И. Щукин был на семнадцать лет старше Морозова, но выглядел молодо, особенно в сравнении с грузным Иваном Абрамовичем. Слабый здоровьем, к тому же сильно заикавшийся, Сергей Иванович воспитывал характер: гимнастика, закалка, вегетарианство. Покупать картины оба начали почти одновременно, с разницей в пять лет, не больше. В Париже ходили по тем же галереям и выставкам, но находили что-то свое в заинтересовавшем их художнике. Даже количество картин, которое купил каждый, оказалось равным.

Щукин деньгами не сорил и старался расплачиваться с процентов с капитала. Морозов был в несколько раз богаче: тысячи рабочих на фабриках, а не просто купля-продажа текстиля. На картины тратил сотни тысяч в год, но и не отказывал себе в удовольствии поторговаться. Расписки парижских маршанов хранил все до последнего клочка, поэтому подсчитать, во сколько ему обошлась коллекция, можно с точностью: 1 миллион 410 тысяч 665 франков (за рубль давали сорок франков). Это – не считая русской «половины» (зашкаливавшей за триста работ), поскольку Морозов покупал еще и современную русскую живопись, причем в товарных количествах. Но это отдельная история.

Иван Абрамович Морозов не пускал к себе посторонних. Музей «планировал» как опытный куратор, заранее зная, что от Сезанна ему нужен именно «голубой» пейзаж и от Матисса желательно пейзаж. Был готов ждать вождеденной работы годами и специально оставлял для картины свободное место на стене. Прислушивался к чужому мнению, доверял художникам: из русских – Серову, а из французов – Морису Дени.

Сергей Иванович Щукин картины выбирал только сам. Современных русских художников не покупал, зато в особняк пускал охотно. Художественная молодежь реагировала на увиденное в особняке в Большом Знаменском переулке, «как эскимосы на патефон», как выразился князь Щербатов. Овеществленный результат щукинского просветительства – искусство

первого русского авангарда: ученики Школы живописи писали под Сезанна, «матиссничали», дробили форму *а-ля* Пикассо... Щукин рассказывал о картинах с таким же азартом, с каким и покупал. Видя картину, испытывал нервный трепет и возбуждение, мечтая во что бы то ни стало завладеть ею. Короче, «гипноз или магия», как он объяснял «случай Пикассо». Часто ему приходилось бороться даже с самим собой: он заранее знал, что назовут сумасшедшим, когда он привезет Дерена и Руссо. Неудивительно, что Бенуа назвал покупку матиссовских «Танца» и «Музыки» «подвигом».

Илья Семенович Остроухов – фигура несколько иная, но личность по-своему выдающаяся. Собственного бизнеса он не имел и довольствовался жениным, сидение в конторе все его время не занимало – на фабриках и ярмарках приходилось бывать редко. По профессии Илья Остроухов был художник, хотя систематического образования не получил, по призванию – собиратель и музеестроитель. Помимо собственной коллекции он управлял третьяковской. Целых четырнадцать лет был главным человеком в Галерее, которую старался превратить в национальный музей русской живописи, а у себя в Трубниковском любовно собирал музей своего, личного вкуса. Музеи личного вкуса собирали и братья Щукины – Петр и Дмитрий Ивановичи (судеб которых мы касаемся лишь вскользь), но Остроухов делал это с невероятным темпераментом, азартом и подлинной страстью, ибо в отличие от них был натурой артистически одаренной. Илья Семенович покупал французскую живопись и русскую графику, восточную бронзу и античное стекло, китайские лаки и русскую икону. Кстати, именно ему вменяют в заслугу открытие художественного феномена русской иконы, в которой до Остроухова ценились совсем иные, нежели собственно живописные, достоинства. Характер у Ильи Семеновича был вздорный, нередко он любил покрасоваться и поиграть в купца, «оправдывая свое замоскворецкое происхождение». Однако, несмотря на несговорчивость, капризность и безапелляционность суждений, притягивал к себе окружающих – знаниями, вкусом, пониманием. Его заключениям безропотно верили: Остроухов не имел права ошибаться, поэтому его ошибки становились сенсацией.

С началом Первой мировой войны жизнь наших героев изменилась. Границы закрылись, и о покупках в Европе, куда они ежегодно отправлялись на поиски шедевров, пришлось забыть. В июле 1918 года национализировали крупную промышленность, а в конце года объявили народным достоянием частные коллекции. Щукин не выдержал первым. В августе 1918-го Сергей Иванович исчез из Москвы («киевский поезд», фальшивые паспорта, кукла с защитными бриллиантами), оставив галерею на попечение дочери и зятя. Морозов продержался на десять месяцев дольше, не в силах расстаться со своим музеем. Стерпел, когда галерею национализировали, но, когда потребовали освободить помещение, не выдержал. Морозов исчез весной 1919-го. Потеря коллекции оказалась смертельной. Щукинской стойкостью Иван Абрамович не обладал: пережить самоубийство двух сыновей, брата и смерть жены – такое вообще мало кому было под силу. Морозов скончался летом 1921 года во время процедур в Карлсбаде, куда приехал поправить здоровье. Ему должно было исполниться пятьдесят.

С. И. Щукин пережил И. А. Морозова на пятнадцать лет и скончался в 1936 году в Париже, успев переписать завещание, составленное в 1907 году. Он больше не желал дарить свой музей Москве и отписал все имущество жене и детям. Заверенное парижским нотариусом завещание Российская Федерация не желает принимать в расчет, поскольку реституций наши законы не признают, а французские законы не признают конфискации без компенсации. Неразрешимая коллизия. Морозов, кстати, в 1921 году тоже составил завещание, которым все отписал жене; впрочем, в отличие от Щукина желания подарить коллекцию городу он никогда не изъявлял.

Щукин и Морозов эмигрировали, а Остроухов остался. Его назначили директором Музея иконописи и живописи имени Остроухова, в постановлении так прямо и написали: «Вы назначены директором Музея Вашего имени». Дали оклад, персональную пенсию и две комнаты

в его же особняке. Ради музея Илья Семенович был готов все снести: согласился перевесить картины, сам покупал входные билеты, делая вид, что в посетителях нет отбоя. После смерти Остроухова в 1929 году музей его имени мгновенно ликвидировали и, как тогда было принято выражаться, «распылили», распределив по многочисленным музеям.

Годом раньше, в 1928-м, щукинскую коллекцию слили с морозовской в единый Музей нового западного искусства, который спустя двадцать лет расформировали. Картины в спешке разделили между собой Эрмитаж и Пушкинский музей – постановление о ликвидации отводило на эту процедуру две недели. Если бы можно было все переделить заново, то историческая справедливость могла бы восторжествовать хотя бы отчасти: Петербург получил бы Музей Щукина, а Москва – Морозова. Или наоборот. Во время дележа собрания в 1948 году о коллекционерах никто и не вспомнил. Обоих не было в живых, и даже инициалы «Щ» и «М», проставленные вместо имен бывших владельцев, давно исчезли из каталогов.

В конце XX столетия в России появилась новая русская буржуазия, удивительным образом напоминающая богачей начала XX века невероятной любовью к роскоши и желанием испытать какие только возможно удовольствия. Обладатели громадных капиталов, как правило, люди с причудами и странностями, но, несмотря на экстравагантность поступков, большинство из них способны достойно распорядиться своими миллионными состояниями. Сумасбродные идеи и невероятные начинания русских богачей начала XX века способствовали созданию в России той культурной атмосферы, в которой происходил небывалый взлет искусства и науки рубежа веков. Нынешние собиратели во многом схожи со своими предшественниками. С той же всепоглощающей страстью относятся к своему увлечению, мечтают стать великими коллекционерами и боятся «распыления» собранного, не важно, собственными ли детьми, или государством.

Во всем мире на этикетках под картиной можно прочесть не только имя автора, ее написавшего, но и имя человека или учреждения, благодаря которому тот или иной предмет оказался в музее. В эрмитажных залах с французской живописью конца XIX – начала XX века такие этикетки висят уже много лет. Великими коллекционерами следует гордиться. Когда-нибудь музеи, в которых хранятся иконы, картины и скульптуры, собранные героями нашей книги, тоже придут к этому.

Благодарю моих коллег, оказавших мне неоценимую помощь в работе над книгой советами и участием, в первую очередь Инну Агапьеву и Ольгу Кабанову, а также Владимира Полякова, Михаила Золотарева, Сергея Егорова-Орлетина и Хилари Сперлинг (Лондон).

Огромную роль в появлении на свет этой книги сыграли потомки великих коллекционеров – внук С. И. Щукина Андре-Марк Деллок-Фурко и его жена Кристина, правнук И. А. Морозова Пьер Коновалофф, его жена Катя и ее мать Лидия Ермакофф. Без их страстного желания узнать как можно больше о своих предках вряд ли бы я рискнула взяться за такой труд.

Большое спасибо сотрудникам научной библиотеки и архива ГТГ, в которой хранится фонд И. С. Остроухова, а также архива ГМИИ имени А. С. Пушкина, где мне пришлось когда-то работать и где Александра Андреевна Демская, тогдашняя заведующая отделом рукописей, заразила меня своей страстью, вылившейся спустя сорок лет в книгу о московских коллекционерах.

Часть первая Загадка Щукина

Купеческий сын, коллекционер Сергей Иванович Щукин позволил себе увлечься новым искусством, на что не мог решиться ни один аристократ, обремененный кучей фамильных предрассудков и табу. Федор Шаляпин в автобиографической книге «Душа и маска» удачно прошелся насчет «социально-духовной эволюции купца-миллионера», явно намекая на нашего героя. «А то еще российский мужичок, вырвавшись из деревни смолоду, начинает сколачивать свое благополучие будущего купца или промышленника в Москве. ...Его не смущает, каким товаром ему придется торговать... Сегодня иконами, завтра чулками, послезавтра янтарем, а то и книжечками. Таким образом он делается “экономистом”. А там глядь: у него уже и лавочка или заводик. А потом, поди, он уже 1-й гильдии купец. Подождите – его старший сынок первый покупает Гогенов, первый покупает Пикассо, первый везет в Москву Матисса. А мы, просвещенные, смотрим со скверно разинутыми ртами на всех непонятных еще нам Матиссов, Мане и Ренуаров и гнусаво-критически говорим: “Самодур...”»

А самодуры тем временем потихоньку накопили чудесные сокровища искусства, создали галереи, первоклассные театры, настроили больниц и приютов на всю Москву». Наверняка Шаляпин имел в виду С. И. Щукина.

Коллекционеров во много раз меньше, чем художников. Следовательно, гениальных коллекционеров вообще единицы. Сергей Щукин, собравший в начале XX века одну из самых серьезных коллекций новой западной живописи, безоговорочно попадает в их число. Если бы Щукин родился в Европе или Америке, о нем писали бы романы, снимали фильмы и наверняка появился бы термин, описывающий «феномен Щукина» по аналогии с «синдромом Стендаля»¹ или чем-то подобным. Но С. И. Щукин жил в России, где случилась революция, и ему пришлось все бросить и исчезнуть из Москвы. А без денег и коллекции он перестал быть кому-либо интересен.

В 1936 году старик Сергей Иванович тихо скончался в Париже, и его забыли окончательно. Смерть Щукина совпала с «гражданской казнью» Музея нового западного искусства, где висели картины, купленные им когда-то. Капиталиста-эмигранта последний раз помянули в 1948 году, закрывая этот «рассадник формалистического искусства». Потом была «оттепель», картины повесили вновь, но спрашивать, каким, собственно, образом Матисс и Пикассо оказались в России, не полагалось. Только не в меру любопытные иностранцы позволяли себе интересоваться, откуда в Москве и Ленинграде взялись эти шедевры, но никакого вразумительного ответа не получали. Позднее, когда запретных тем почти не осталось, имя С. И. Щукина стали произносить вслух, биографию коллекционера и хронологию его покупок восстановили – спасибо моему учителю и наставнику Александре Андреевне Демской, создателю архива ГМИИ имени А. С. Пушкина, успевшей найти и расспросить еще остававшихся в живых щукинских родственников и знакомых. Американка Беверли Уитни Кин тоже внесла посильную лепту: ей удалось встретиться в Бейруте со старшим сыном коллекционера и записать его рассказ.

«В коллекции он выказал вкус. Но еще больше, чем вкус, своеобразие его собранию придает его способность воспринимать исключительное, особенное, непривычное. В этом он русский», – написал в 1914 году немецкий искусствовед Отто Граутофф. Неужели же только

---

¹ Синдром Стендаля – избыточное возбуждение, испытываемое человеком от нахождения в зоне воздействия искусства или в месте сосредоточения большого числа объектов искусства. Название дано в честь французского писателя Фредерика Стендаля (настоящее имя Анри Бейль, 1783–1842), описавшего в книге «Неаполь и Флоренция: путешествие из Милана в Реджио» свои ощущения во время визита во Флоренцию.

тем, что «он русский», можно объяснить фантастическое чутье московского торговца текстилем на авангардную живопись? Но почему именно он, потомок боровских лавочников, сумел купить столько шедевров, почему именно он, внук старообрядца, рискнул заказать Матиссу панно с обнаженными фигурами? Откуда такая поразительная интуиция? Разгадай мы «секрет Щукина», возможно, мы смогли бы разобраться в сути самого феномена собирательства.

Биографам писателей и поэтов можно позавидовать – и тебе черновики, и дневники, и письма. А как поступать с коллекционером, оставившим после себя несколько открыток, деловую переписку с художником А. Матиссом (публиковавшуюся и комментировавшуюся неоднократно) и несколько откровенных дневниковых страничек? Вместо цитат из стихов или прозы – одни лишь картины, а если сильно повезет – то цены с датами покупок. Однако должно же быть некое вразумительное объяснение приобретению шокирующих московских «людей от коммерции» полотен Сезанна и Пикассо помимо банальных слов о русских самородках, огромных деньгах и неудовлетворенных амбициях.

То, что Сергей Щукин гениальный коллекционер, – аксиома. «Феномен Щукина» – это одновременно феномен русского купечества, слухи о дремучести которого сильно преувеличены. Разговоры о «темном царстве» и отце-невежде – не про братьев Щукиных, которые выросли в богатейшей, прозападно ориентированной купеческой семье, учились в Европе, знали языки, разбирались в искусстве и состояли в близком или дальнем родстве со всей московской денежной аристократией второй половины XIX века. На самом-то деле про С. И. Щукина и его братьев можно было бы написать русскую «Сагу о Форсайтах», охватив почти целое столетие русской, да и европейской истории в придачу. Только представьте: наш герой родился в дореформенные 1850-е, учился в пореформенные 1860-е, стажировался за границей в 1870-е, вошел в семейное дело в 1880-е, стал покупать импрессионистов в 1890-е, Гогена и Матисса – в 1900-е, Дерена и Пикассо – в 1910-е, а умер в Париже за несколько лет до начала Второй мировой войны.

В семье Щукиных было не принято упоминать о коллекции. «Бабушка никогда мне не рассказывала об удивительных сокровищах своего мужа. Родители тоже хранили молчание», – говорил мне внук Сергея Ивановича, когда впервые увидел фотографии щукинской галереи. «Теперь я понял, почему в изгнании Сергей Иванович не мог жить без картин. Мой дед был одним из величайших собирателей своего времени».

Глава первая

Род Щукиных

Отцовская линия: Щукины

Брат Петр Иванович, собиравший древние архивы, нашел в Писцовых книгах Боровска за 1625 год упоминание о некоем «Ивашке сыне Щукина». Это означало, что отцовский род вел начало со «смутного времени» и родиной Щукиных был стоящий на крутом берегу реки Протвы Боровск. В незапамятные времена деревянная Боровская крепость считалась мощным форпостом, но случившийся в «лихие годы» страшный пожар уничтожил ее дотла, и из оборонительного поселения Боровск постепенно стал превращаться в торговый городок. К концу XVIII века он уже был вторым, после Калуги, городом калужского наместничества: купцы и мещане составляли более половины его населения. Еще Боровск считался городом староверов – две трети боровчан числили себя старообрядцами.

В Пафнутьев-Боровский монастырь дважды ссылали мятежного протопопа Аввакума, здесь же томились в заточении и мученически погибли боярыня Морозова с сестрой, княгиней Урусовой, чьи тела, по повелению царя Алексея Михайловича, тайно захоронили в остроге². Во время войны 1812 года Боровску пришел конец: город был разграблен, местное купечество, включая Щукиных, разорено. К середине XIX века Боровск окончательно захирел и превратился в имеющий «некоторое торговое значение» город. Но Щукиных в нем почти не осталось. Когда осенью 1812-го французы отступали по старой Калужской дороге (и Наполеон Бонапарт даже соблаговолил заночевать в Боровске), семейство двинулось на Север, бросив дома, огорды, лавки и небольшой стекольный завод. Отсидевшись в Вологде, Щукины раздумали возвращаться в разоренный Боровск и разъехались кто куда. С тех самых пор и пошли новые линии рода – сибирская и московская.

Дед наших героев, Василий Петрович, обосновался в Москве и из старообрядчества перешел в православие. Торговал мануфактурным товаром. В 1832 году скончался, завещав дело шестерым сыновьям. Третий брат, Иван, довольно скоро отделился, завел собственное торговое дело, удачно женился и разбогател. У него тоже родилось шестеро сыновей, трое из которых сделались страстными собирателями. Братья-коллекционеры были погодками: Петр родился в 1853-м, Сергей – в 1854-м и Дмитрий – в 1855-м, в год кончины императора Николая I и восшествия на престол будущего царя-освободителя Александра II.

Дмитрий Иванович перед смертью признался, что и он сам, и братья обладали каким-то обостренным художественным «нюхом». «Стоит нам посмотреть на рисунок, картину или любую другую вещь, как мы настораживаемся. Не можем сразу определить, в чем дело, но что-то чувствуем. У меня такое “обоняние” развито на старое искусство, у брата Сергея на новизну, а у Петра – на древности». Вот, собственно, и разгадка «феномена Щукиных». Но ведь «нюх» на пустом месте развиться не может, его надо тренировать, как вкус или «глаз». Бывает, впрочем, врожденный дар – например, музыкальный слух или иной талант, часто передающийся по наследству. В таком случае художественный «нюх» наверняка передался Щуки-

---

² Сподвижницы Аввакума сестры Соковнины (в замужестве – Ф. П. Морозова и Е. П. Урусова), заточенные сначала в Боровский острог, а затем в земляную яму, где они в 1675 году скончались. Из опасения паломничества старообрядцев захоронены тайно. Любопытно, что в числе первых приобретений С. И. Щукина были этюды В. И. Сурикова к историческому полотну «Боярыня Морозова», купленному П. М. Третьяковым.

ным по материнской линии, от Боткиных, коллекционерство у которых, по выражению знатока московского купечества П. А. Бурышкина, «было в крови»³.

Материнская линия: Боткины

Боткины происходили из старинного русского рода «торговых людей» и пришли в Москву с Валдая, из города Торопец. Если совсем точно, то Конон Боткин с сыновьями Дмитрием и Петром переселился в Москву в 1791 году. Петр Боткин разбогател на чае. Открыл закупочную контору в Кяхте, за Байкалом, в нынешней Бурятии (в 1792 году сюда перенесли из Иркутска главный таможенный пункт, и русские купцы повезли через Кяхту в Китай сукно, мануфактуру, пушнину и кожу), и рискнул торговать экзотическим товаром. Кто-то вез из Китая шелк, фарфор и сахар-леденец, а Боткин – чай. Покупать и продавать за деньги купцам запрещалось: Боткин менял текстиль на чай (в Москве у них тогда имелось свое текстильное производство) и скоро стал самым крупным его поставщиком. Потом отважился торговать китайским чаем в розницу. Риск продажи мизерными порциями оправдался, товар подешевел, чайная аудитория расширилась. Когда разрешено было завозить английский чай, фирма «Петр Боткин и сыновья» первой открыла собственную закупочную контору в Лондоне и привезла в Москву невиданный здесь индийский и цейлонский чай. Потом у Боткиных появились свои свекольно-сахарные плантации и завод... Но это было уже при сыновьях Петра Кононовича, успевшего дважды жениться и родить двадцать пять детей, из которых выжили четырнадцать.

Сыновья и внуки П. К. Боткина прославили фамилию ничуть не меньше боткинского чая. Талантливость «представителей этой чистокровно великорусской семьи» была поразительна (отсутствие и «малейшей примеси иноземной крови» биографами всегда педалировалось особо: вот, полюбуйтесь, на что способно «славянское племя», если к его «даровитости присоединить обширные и солидные познания и любовь к настойчивому труду»). С одной стороны, Боткиных называли русскими самородками, а с другой – обвиняли в излишне проевропейской ориентации. Богатейшее российское купечество действительно было сильно европеизировано, но в очень тонкой своей прослойке. Боткины играли роль своеобразного буфера между дворянской интеллигенцией и купечеством. Папаша Петр Кононович, персонаж «темного царства», – по одну сторону, а его старший сын Василий Петрович вместе со своими друзьями Станкевичем, Герценом и Грановским – по другую. Купцы тогда не ездили «запросто к князьям» и у себя их не принимали (родовая аристократия от денежной дистанцировалась), а Василий Боткин был желанным гостем везде. На этот счет есть замечательный исторический анекдот. Великосветский гость баронессы Менгден, урожденной княгини Елизаветы Бибииковой, видит выходящего из ее гостиной Боткина и интересуется: «Что вы, у Боткина чай покупаете?» – «Нет, я подаю ему чай», – гордо отвечает хозяйка.

Василий Петрович Боткин был человеком уникальным. Герцен и Огарев считали купеческого сына лучшим знатоком и толкователем Гегеля. Он дружил с Белинским (который одно время имел квартиру в доме Боткиных), сотрудничал в «Современнике» с Некрасовым, наставлял молодого Льва Толстого. Гончаров и Островский прислушивались к его мнению, а П. В. Анненков адресовал ему знаменитые «Парижские письма». Либерал Боткин, мечтавший о всесословной буржуазии (чтобы «сословия дворянское, купеческое, мещанское и цеховое сошлись вместе»), сумел благодаря друзьям-демократам повстречаться и побеседовать с самим Карлом Марксом.

---

³ Этот дар передавался в семье даже через поколения. Профессор медицины Сергей Петрович Боткин не страдал манией собирательства, а сын, врач Сергей Сергеевич, сделался тончайшим коллекционером русского рисунка. А еще доктор С. С. Боткин приходился зятем коллекционеру Павлу Михайловичу Третьякову: он был женат на его дочери Александре.

Племянники Щукины видели знаменитого дядю Василия Петровича несколько раз в жизни, но с другими Боткиными – у мамыши Екатерины Петровны было девять братьев – общались часто. Петр Щукин в «Воспоминаниях» рассказывает о всех родственниках довольно подробно, за исключением самой матери. Сообщает лишь, что в 1849 году, в двадцать пять лет, Екатерина Боткина вышла за купца Ивана Васильевича Щукина, чем порадовала отца, давшего по случаю ее помолвки большой бал. Петр, родившийся в год смерти старика Петра Кононовича и в честь него названный, пишет, что мать была строгой и детей совсем не любила (а их родилось у нее десятеро). Детские обиды Петр Иванович забыть так и не смог и припомнил матери все: и что она никогда не дарила подарков, и что «больно била куда попало» за ошибки в диктантах. «Екатерина Петровна была плохого характера. Делила детей на любимых и не любимых. Была строгая, сдержанная, даже черствая и никогда не выражала своих чувств. Не любила Надежду. Любила Сергея, Ивана, горбатого Владимира». Неудивительно, что отца дети обожали: в конторе он свирепствовал, даже родному брату не делал поблажек, зато дома позволял себе быть мягким и внимательным. «Отца мы очень любили, он делал нам выговор только тогда, когда кто его заслуживал... Отец нас баловал... У отца были такие выразительные глаза, что от одного его взгляда дети моментально переставали реветь», – вспоминал Петр.

Екатерина Петровна диктовала детям по-русски и по-французски сама, ибо была дама образованная. «Как и все Боткины, она была “западница”, любила все французское, даже “н” писала на иностранный манер». Старший брат Василий Петрович занимался воспитанием сестер лично: сам выбирал предметы, какие им следует изучать, и сам же оплачивал учителей, приходивших в Петроверигский к Екатерине, Марии и Анне. Выходит, не столь уж невежественным был Петр Кононович Боткин, если согласился не вмешиваться в воспитание младших детей и «передоверил» не только девочек, но и мальчиков старшему сыну, чьи познания в литературе, философии, музыке, архитектуре и живописи конечно же оценить не мог. Василия Боткина редко теперь вспоминают, хотя этот «подлинный русский самородок», днем торговавший за прилавком в чайном амбаре отца, а вечерами читавший в подлиннике Гегеля, комментировавший Шекспира и написавший знаменитые «Путешествия по Испании», вполне заслуживает отдельной биографии⁴. Но, поскольку на Сергея Щукина и его братьев рано ушедший из жизни дядя непосредственного влияния не оказал, подробно пересказывать его жизнь мы не станем. Тем более что у молодых Щукиных имелось такое количество выдающихся родственников, что их следует хотя бы перечислить.

На первом месте стоит, конечно, Василий Петрович Боткин. Далее идут двое младших братьев матери: Сергей Петрович Боткин, самый знаменитый русский врач, и Михаил Петрович Боткин, академик живописи (самый младший из братьев⁵, он нес на свадьбе Екатерины и Ивана Щукина образ). За ними – вечно путешествовавший «красавец турист» Николай Петрович Боткин, друг Гоголя и художника Александра Иванова. Следом – двое московских дядюшек: Петр Петрович и Дмитрий Петрович, оба занимавшиеся чайной торговлей (Петр Кононович перед смертью назначил членами фирмы «Петр Боткин и сыновья» двух сыновей от первого и двух – от второго брака). Петр Петрович мало с кем общался, а вот с семьей Дмитрия Петровича и его жены Софьи Сергеевны, урожденной Мазуриной, Щукины были особенно близки (старший сын, Николай Щукин, даже женился на одной из их дочерей). Были еще бра-

---

⁴ По образованию купцу-самоучке Боткину трудно было найти равных. Итальянский и испанский он выучил сам, а французский, немецкий и английский, которые преподавали в пансионе, довел до блеска. Юному Боткину хватило одного года заграничного путешествия по Германии, Франции, Италии, чтобы, вернувшись в 1835 году, заинтересовать своей персоной московских интеллектуалов. «Боткин – молодой купец, недавно приехавший из-за границы, – писал Станкевич, – человек, каких я, кажется, не встречал: столько ума, столько гармонии и святости в душе... Может быть, я увлекаюсь, но нельзя не увлечься, встретив человека, в котором так много прекрасного». Петербургский исследователь Б. Ф. Егоров, десятилетиями изучавший историю Боткиных, недавно выпустил капитальное исследование о всех поколениях этой семьи. См.: *Егоров Б. Ф. Боткины*. СПб.: Наука, 2005.

⁵ Михаил был младше Василия на 28 лет.

тя: Павел Петрович, живший в столице юрист-холостяк, и обосновавшийся в Москве Владимир Петрович, отец жившего в Париже художника Федора Боткина.

И под конец упомянем мужей сестер Екатерины Петровны Щукиной. Мужем младшей, Анны Петровны, был врач Павел Лукич Пикулин, сын профессора Московского университета, один из лучших московских клиницистов, знаменитый на всю Россию редактор популярного «Журнала садоводства», для которого писали статьи химик Бутлеров и историк Забелин, эдакой «Химии и жизни» шестидесятых – семидесятых, но XIX века. Средняя, Мария Петровна, вышла за поэта Афанасия Фета. Екатерина Петровна присутствовала на свадьбе сестры. Летом 1857 года Иван Щукин выправил заболевшей жене заграничный паспорт и та вместе с Марией уехала в Европу. В Париже Мария Петровна и А. А. Фет обвенчались в русской посольской церкви, причем шафером жениха был И. С. Тургенев, а невесты – ее братья Василий, Николай и Дмитрий Боткины. Николай Петрович, имевший в Париже собственную квартиру, организовал свадебный обед. Биографы Фета полагали, что тот не испытывал к невесте высоких чувств и женился в расчете на богатое приданое⁶. Однако Мари Боткина была не такой уж богачкой: по завещанию отца, приданое ее составляло всего 35 тысяч рублей серебром (это дает повод предположить, что и Екатерина Боткина не принесла своему мужу большого капитала). Помимо таланта пианистки у нее оказался талант преданной жены, и она прожила с Фетом в любви и согласии тридцать пять лет.

Отец наших героев Иван Васильевич Щукин нисколько не стеснялся, что не знает французского или не столь образован, как его многочисленные родственники и друзья интеллектуалы. Он не покупал ни картин, ни книг, как его закадычный друг Кузьма Солдатёнков, зато был одним из «гениальных русских торгово-промышленных деятелей». Как утверждает П. А. Бурыйшкин, фирма «Иван Васильевич Щукин» входила в десятку самых крупных российских скупщиков текстиля. Сделав большие деньги на торговых операциях, И. В. Щукин вошел в число учредителей Товарищества ситцевой мануфактуры А. Гюбнера. А когда стало развиваться банковское дело (торговля без кредитов существовать не могла), стал одним из учредителей Московского учетного банка. Помимо этого, он состоял в учетном комитете московской конторы Государственного банка, был товарищем Купеческого старосты и членом Коммерческого суда⁷. Бурыйшкин вспоминает, что таким уважением, каким пользовался Иван Васильевич Щукин, мало кто в Москве мог похвастаться – репутация у него была безупречной.

Семья

Детство братьев и сестер Щукиных прошло на Покровке. После женитьбы родители наняли особняк на Мясницкой, в Милютинском переулке, потом купили дом в Колпачном, рядом с Боткиными, который впоследствии продали и переехали с Покровки на Пречистенку. Петр Иванович считал, что отец сильно переплатил за дом в Лопухинском переулке: 250 тысяч рублей в 1874 году были огромной суммой, хотя особняк был трехэтажный, камен-

---

⁶ «Несмотря на то, что во внешнем нашем положении не было ни малейшего сходства, наше внутреннее заключало в себе много невольно сближающего», – сухо комментировал впоследствии А. А. Фет свое сватовство к Мари Боткиной, которую встретил в доме ее брата. Фет писал, что «она безотлагательно приняла мое предложение, чистосердечно объявив, что у нее ничего нет, за исключением небольшого капитала». Братья вошли в положение сестры и выделили супругам 100 тысяч, на которые и было приобретено ими имение в Орловской губернии. Марии Петровне исполнилось 29 лет, и братья потеряли всякую надежду выдать сестру замуж. «Право, все это сбылось так неожиданно, что я до сих пор боюсь верить. <...> Я радуюсь еще и тому, что Фет человек благоразумный и расчетливый и попусту бросать деньги не любит, – а это в муже и при их средствах вещь не последней важности. На Машу письма Фета производят действие электричества, а сегодня от депеши она едва могла расписаться о получении ее и несколько минут не могла выговорить ни одного слова», – писал Василий Петрович брату Дмитрию Петровичу.

⁷ До последних дней Иван Васильевич вел деятельную жизнь, хотя, вспоминает Петр Иванович, здоровье уже было не то, и «в театрах отец обыкновенно не досиживал до конца представления, и в ложах Московского Большого театра, где имеется комнатка с диваном, обыкновенно засыпал во время итальянской оперы, несмотря на то, что очень ее любил».

ный, с мебелью, садом и оранжереей. В нижнем этаже были комнаты для прислуги, чайная конторщиков и кухня, «настолько большая, что в ней во время вечеров пятнадцать поваров свободно готовили ужин». Комнаты детей, гувернанток, прислуги, а также буфетная, столовая и контора фирмы располагались на втором этаже. На третьем, парадном этаже жили отец, мать и младшие братья со старушкой немкой. Отец устроил себе кабинет в огромном зале. Выглядел он эффектно: гранатово-красный потолок, декорированный бело-золотой лепниной, в тон ему – желтый шелковый штоф на диванах и креслах, такие же шторы и портьеры на дверях. Через арку из зала попадали сначала в Красную гостиную с затянутыми пунцовым шелком стенами по моде семидесятых, а затем в Голубую гостиную с золоченой мебелью. Рядом была еще и бильярдная. Далее начиналась дамская половина: белый, атласный будуар и спальня матери. Про картины Петр не пишет, но помнит фрески на потолке итальянской работы – дикие тигры среди фантастических зарослей. Чего-чего, а любви к роскоши купечеству было не занимать: не случайно во время коронации императора Александра II дом откупщика Толмачева, доставшийся потом Щукиным, отвели под резиденцию австрийского посланника.

«Блестящая эпоха» Пречистенки началась для братьев Щукиных в 1870-х, когда все четверо – Николай, Петр, Сергей и Дмитрий – друг за другом вернулись в родительский дом из Европы. Излишнее внимание к датам и историческим реалиям не должно удивлять. Чтобы оценить совершенный нашим главным героем «подвиг», суть которого состояла в способности перебороть себя, пойти наперекор традиционным вкусам и поверить во французских живописцев-новаторов, следует еще раз напомнить, что поклонник творчества Матисса и главный покупатель Пикассо родился в 1854 году⁸, во времена, когда дядя Василий Петрович Боткин принимал у себя дома Герцена, Тургенева и молодого Льва Толстого и в гостиных вместо электрических люстр горели свечи. Тут нам очень помогут «Воспоминания» его брата Петра Ивановича, собравшего массу курьезных подробностей вроде стишков «Свечи, свечи сальные, светильники бумажные, горят они ясно, очень прекрасно», которые пели на Нижегородской ярмарке мальчишки-разносчики, а купцы им подпевали: «Горят они, ноют, ничего не стоят». Еще Петр Щукин запомнил, что трехэтажные дома во времена их детства были редкостью, что Москва плохо освещалась и уличные фонари горели тускло. И будочники, стоящие с алебардами у своих будок, ночью окликали прохожих, и на вопрос: «Кто идет?» надо было отвечать: «Обыватель». Иначе забирали в часть.

«Учились мы дома, у гувернанток. Из них помню лишь Варвару Ардальоновну Эйнвальд, из смолянок. В качестве бонны жила у нас добродушная старушка-немка, которая поила нас своим кофеем и читала немецкие рассказы Франца Гофмана. Звали ее Федосьей Егоровной. Муж ее был драпировщик и работал у нас, когда не был пьян. К моей матери ходила презлая старуха француженка, которую мы очень боялись... На уроки гимнастики ездили мы к французу Билье, содержавшему гимнастическую залу на Большой Дмитровке. Танцам учил нас танцмейстер Вишневский, приехавший к нам в дом вместе со своим скрипачом. Выделять под звуки скрипки разные па было для нас сущим наказанием; танцевать я так и не научился, несмотря на все старания Вишневского».

Отец, Иван Васильевич Щукин, доверял немецкому образованию, у всех мальчиков боннами были немки; сам отец дома часто говорил по-немецки (матери, ярой галломанке, такое вряд ли нравилось), да и все его партнеры были сплошь немцами. У старшего Щукина имелся дальний прицел: послать сыновей набираться опыта в Германию, где торговое дело и текстильное производство были на высоте. Как только мальчикам исполнялось десять, их увозили в немецкую школу-интернат Behmsche Schule (Бемская школа). Ехали далеко и долго: сначала поездом до Петербурга, а оттуда на пароходе в Выборг, в Великое княжество Финляндское,

---

⁸ Как и его старшие братья, С. И. Щукин был крещен в храме Архидиакона Евпла на Мясницкой – Щукины жили в его приходе; младших крестили в церкви Успения на Покровке. Оба храма снесены в советское время.

бывшее тогда частью Российской империи. Петр Иванович рассказывал, что школа славилась строжайшей дисциплиной, уроками гимнастики и преподаванием всех наук на немецком. К сожалению, учение в Бемской школе было «сплошным зазубриванием». Учили историю и физику, зубрили Катехизис; в наказание за непослушание заучивали наизусть немецкие стихи (при всей своей набожности старший Щукин оказался человеком широких взглядов и не возражал, что сыновей обязывали ходить на службу в лютеранскую церковь). За плохое поведение получали по рукам линейкой, лишались обеда и ужина, а то и вовсе попадали в карцер. Вот что значит детство: учителя распускали руки («часто награждали учеников пощечинами», как пишет деликатный Петр Иванович), директор «публично бил палкой», а бывший воспитанник Behmsche Schule вспоминает четыре года в Выборге с ностальгией (особенно трогает пассаж в мемуарах про сбор грибов и ягод, катание на коньках и ловлю салаки с моста).

После Бемской школы полагалось отучиться еще четыре года в пансионе на 5-й линии Васильевского острова в Петербурге. Щукиных воспитали истинными космополитами: в Выборге учились сплошь немцы, а в пансионе Дмитрия Фомича Гирста кого только не было: греки, французы, даже японец, и с ними в компании сыновья владельца знаменитого фарфорового завода братья Корниловы и один из Мамонтовых. По всей вероятности, у пансиона была хорошая репутация в купеческих кругах – воспитанникам читали курс коммерческих исчислений и товароведения, причем последний преподавал отец знаменитого петербургского педагога Лесгафта.

Через пансион Гирста И. В. Щукин «провел» троих сыновей, а затем отправил стажироваться за границу. О логистике и менеджменте Иван Васильевич представления не имел, но разработал индивидуальный маршрут каждому, рассчитывая охватить максимум коммерческих академий, торговых фирм и текстильных предприятий. Николая послал в немецкий Мюльгаузен, а теперь французский Мелюз, откуда родом были лучшие мастера ситценабивного дела⁹, а потом отослал в Лейпциг. Петра отправил изучать текстильное производство в Лион, а Дмитрия – основы бухгалтерского учета и статистики в Политехникум в Дрезден. Для Сергея тоже подобрал Коммерческую академию в Германии. Любовь ко всему немецкому у Ивана Васильевича была столь велика, что старшую дочь Александру он выдал за немца Густава Люциуса, жившего в Лейпциге и служившего представителем текстильной фабрики Кехлина и Баумгартнера. Так как жених был католик, а невеста православная, вспоминал Петр Иванович, венчание проходило в Берлине в двух церквах: «сперва в русской посольской, а потом в католической (Hedwigkirche). На свадьбе присутствовали мои родители, моя сестра Надежда, два двоюродных брата жениха, из которых один потом был прусским министром земледелия (Freiherr von Lucius-Balhausen), а другой, д-р Карл Люциус из Ахена, был долго депутатом в рейхстаге. ... Свадебный обед происходил в Hotel Royal». Через десять лет, в 1882 году, младшая сестра Ольга тоже выйдет за иностранца – швейцарца Александра Иоста, которого пригласит в Россию А. А. Фет¹⁰.

Если старший Щукин одобрял браки с иноверцами, то учить сыновей в России он считал неразумным. Из-за этого Петр, намеревавшийся пойти не по торговой линии, а поступить в Технологический институт, специального образования не получил вообще, хотя и усиленно готовился к поступлению с целой командой репетиторов. Экзамены Петр почему-то сдавать не стал – то ли испугался, то ли его отговорил отец, взяв с собой во Францию закупать мануфактурный товар. На обратном пути Петр остался в Берлине – Иван Васильевич через парт-

---

⁹ Уроженцами Мюльгаузена были химик-кolorист Штейнбах, внедривший ручную набивку многоколерных рисунков, и его зять рисовальщик Эмиль Циндель, основатель учрежденного в 1874 году в Москве Товарищества ситценабивной мануфактуры «Эмиль Циндель», продукцией которого торговали Щукины.

¹⁰ После женитьбы на племяннице Марии Петровны Фет-Боткиной ученый-агроном А. И. Иост, управлявший орловскими имениями Фета и его родственников, станет управляющим сахарным заводом Боткиных. Алексей Лагодин, муж четвертой сестры – Антонины Щукиной, тоже был специалистом по сахароварению.

неров устроил сына стажером к Абельсдорфу и Мейеру, самым крупным немецким торговцам бумажными и шерстяными материями. Спустя несколько месяцев, весной 1873 года, в Берлин приехал отец с братом Сергеем и все трое отправились на поезде в Мюнстер, а оттуда на лошадях в городок Бургштайнфурт, где практиковал доктор Денгарт, которого Щукиным рекомендовали как лучшего специалиста по лечению от заикания.

Заикой был Сергей. Больше ни у кого в семье подобного дефекта не было. То, что тщедушный и болезненный заика Сережа Щукин переживет всех (не считая сестры Надежды, которая скончается в 1956 году в Москве в возрасте 98 лет¹¹), никто не предполагал. Опасались, что мальчик не выживет вообще, поэтому его жалели, оберегали и заботились о нем больше, чем о других. Ревнивый Петр напишет, что мамаша нарочно подговорила отца отправить его в Выборг, а любимого Сереженьку никуда от себя не отпустила. Екатерина Петровна была дама с характером, и муж во многом с ней соглашался. Ни в Выборг, ни в Петербург к Гирсту Сергея не посылали и оставили учиться дома вместе с сестрами.

Так до восемнадцати лет Сережа Щукин жил при родителях, завидуя братьям, приезжавшим на Пасху и Рождество на каникулы. Все братья Щукины были людьми своеобразными, как любили выражаться в старину, или, говоря по-простому, со своими комплексами. Дмитрий с Петром эти самые комплексы культивировали и жили с ними в мире и согласии, а Сережа усиленно преодолевал. Когда стало ясно, что в гимназию его не отдадут (брата Дмитрия как раз перевели из петербургского пансиона доучиваться в Поливановскую гимназию), он решил сопротивляться. Еще до тотального внедрения фитнеса и норм здорового образа жизни было известно о пользе физических упражнений, закаливания и вегетарианства. Сережа Щукин без гимнастических залов и прочих ухищрений, благодаря лишь силе воли и невероятной настойчивости, начал перекраивать себя. И в шестьдесят он продолжал делать гимнастику, спать с открытыми окнами в мороз и стужу (утром зимой его находили спящим под огромным меховым одеялом с сосульками на усах), ограничивал себя в еде (любимыми блюдами вегетарианца Щукина были грибной суп и гречневая каша, куда он иногда добавлял ложку соуса от жаркого, приговаривая: «Это с грешком»).

Немецкий старичок доктор оказался волшебником и очень помог, но и молодой русский пациент был человеком волевым, а у таких шансов вылечиться много больше. Говорить Сергей стал значительно лучше, а главное, перестал заикаться на своем дефекте, нервничать и краснеть, когда сразу не удавалось выговорить слово. Легкое заикание стало придавать ему даже некоторый шарм. «Он заметно заикался, но это не мешало быть ему приятным собеседником», – вспоминала видевшая его в 1910-х годах художница Варвара Бубнова. Осенью 1873 года Сергей Щукин поступил в Коммерческую академию в городе Гера, в нынешней Тюрингии (бывшая столица княжества Ройсс славилась производством сукна). За четыре года робкий сублильный юноша превратился в элегантного молодого человека, решительно настроенного преуспеть. Для начала – в отцовском бизнесе, где на него никто и не рассчитывал.

В 1878 году отец учредил торговый дом «И. В. Щукин с сыновьями» – надо было вводить наследников в дело. Николай, Сергей и Петр вошли в фирму равноправными компаньонами. Дмитрий отбывал воинскую повинность в гренадерском запасном батальоне Мекленбургского полка (ревнивый Петр бесстрастно заметил, что военная служба брату «не особенно нравилась»). Еще бы! Тихоне Дмитрию Щукину пришлось караулить арестантов, а потом «оттрубить» четыре года волонтером в конторе Товарищества цементной фабрики и маслобойни К. К. Шмидта в Риге. Домой он возвратился в двадцать семь лет, мечтая об одном: жить в свое удовольствие и вовек не видеть щукинского амбара. Но брат Николай Иванович как нарочно

---

¹¹ Надежда Щукина вышла замуж за товарища прокурора Тульского окружного суда Александра Мясново. После революции ей удавалось переписываться с сыном Николаем, которого приютит у себя в Париже брат Сергей Иванович. Благодаря письмам, доходившим до Надежды Ивановны из Франции, и стали известны некоторые подробности жизни семьи ее любимого брата в эмиграции.

вошел в правление Товарищества Даниловской мануфактуры и стал одним из его директоров, и Дмитрий вынужден был заступить на его место.

Дмитрий Иванович, любимец отца, исполнял сыновий долг безропотно – точно так же, как его знаменитый дядя Василий Петрович Боткин, считавший себя всего лишь «приказчиком при хозяине-отце». «Это одна из тех натур, которые созданы, чтобы жить внутри себя, а между тем судьба велит ему большую часть времени жить вне себя». Если не знать, что эти слова сказаны Белинским в 1839 году о В. П. Боткине, можно решить, что речь идет о Дмитрие Щукине. Оба, и дядя и племянник, не решались заявить, что не желают заниматься делами, и оба вышли из дела, едва родитель скончался. Дмитрий Иванович вышел «в отставку» в 1890 году и в тридцать пять наконец-то устроил жизнь, как всегда мечтал: собственная квартира, осень – в Германии, весна – в Италии или Испании. Человек он был мягкий, флегматичный, «сухая божья коровка», как выразился Грабарь. Все окружающее должно было его улаживать и радовать, антикварные вещицы и те он выбирал уютные и милые: серебряный кубок приятно было подержать в руке, а расписную табакерку рассматривать сквозь увеличительное стекло. Из набора удовольствий, которым отдавал предпочтение его дядюшка Василий Петрович Боткин, – комфорт, путешествия, изысканный стол и женщины, – Дмитрия Ивановича не интересовал только последний пункт.

Итак, Д. И. Щукин выходит из дела и счастливо живет на ренту. Н. И. Щукин занимается Даниловской мануфактурой и живет, не в пример брату Дмитрию, широко: содержит примадонну Мамонтовской оперы, любит поиграть в Английском клубе, собирает старинное серебро. В 1899 году женится на овдовевшей кузине Елизавете Петровне Боткиной-Дункер, тяжело заболевает, едет лечиться в Германию и умирает за год до своего шестидесятилетия в Гейдельберге. В 1910 году его похоронят в Москве, на кладбище Покровского монастыря рядом с отцом, где два года спустя упокоится и его брат Петр. Пока же Петр Иванович с братом Сергеем Ивановичем активно занимаются торговым домом «И. В. Щукин с сыновьями». Мотор, движущая сила и мозг – Сергей, а брат Петр – идеальный исполнитель и верный помощник.

То, что Сергей Иванович в сорок лет получает звание коммерции советника за «полезную деятельность на поприще отечественной торговли и промышленности», – ровно ничего не значит. Подобное почетное звание получал всякий купец первой гильдии, а вот то, что в Москве его уважительно называли «министр коммерции», дорогого стоило. Беверли Кин, вероятно со слов сына Сергея Ивановича, пишет, что в деловом мире за упорство и колючесть прозвали Щукина «дикобразом». «...Твердеющий, чернобородый, но седоволосый, напучивший губы свои кровавые. С виду любезен: на первый взгляд – не глуп, разговорчив; в общении даже прост, даже афористичен». Здорово его описал Андрей Белый, особенно про выпученные губы и про девиз: «Давить конкурентов!», в переносном смысле, конечно. Сергей Щукин управлял огромной текстильной империей: оборот торгового дома «И. В. Щукин с сыновьями» был огромным. На него работали Трехгорная мануфактура Прохоровых, два крупнейших товарищества ситценабивных мануфактур «Альберт Гюбнер» и «Эмиль Циндель». «Работали» – слово не совсем корректное: в 1871 году И. В. Щукин вместе с К. Т. Солдатёнковым вошел в число учредителей «Товарищества ситценабивной фабрики Альберта Гюбнера», в компании с ними были М. М. Вогау и еще два немца, два француза, два швейцарца и один бельгиец. Когда Сергей Иванович Щукин, директор мануфактуры «Эмиль Циндель», в 1918 году будет ожидать разрешения на въезд во Францию, за него поручатся компаньоны-французы национализированной фабрики.

Щукины торгуют не только ситцем, но и льняными, шерстяными и шелковыми тканями, платками, бельевым и одежным товаром. Фирма «И. В. Щукин с сыновьями» контролирует ассортимент большинства фабрик Москвы и пригородов. Она – безусловный лидер среди рос-

сийских скупщиков хлопчатобумажных и шерстяных товаров; ей удастся охватить Центральную Россию, Сибирь, Кавказ, Урал и даже Среднюю Азию с Персией.

Глава вторая

Сергей Щукин: начало коллекции

Сергей оказался талантливее братьев. Сначала – как бизнесмен, потом – как коллекционер. Возможно, из-за того, что заикался и был маленького роста, он всегда старался быть успешнее, богаче... Почти двадцать лет прожил с первой женой и столько же со второй, имел детей, внуков и воспитанниц. Первую жену увел, можно сказать, у брата: родители сватали красавицу Лидию за Петра, а она вышла за Сергея. Лидии Кореновой, дочери председателя правления Донецкого каменноугольного товарищества, было девятнадцать, Сергеем – почти тридцать. Брат Петр Иванович, фиксируя мельчайшие подробности жизни семьи, никак не комментировал случившееся. Его собственная личная жизнь довольно таинственна: двадцатилетнее холостяцкое существование, любовница-шантажистка и неожиданная женитьба на цветущей вдове с двумя детьми.

Петр Иванович был человек замкнутый и немного чудаковатый; живостью ума не отличался, что, впрочем, не умаляет его достоинств – собрать огромный музей и подарить его городу способен не каждый. При этом не существовало в Москве собирателя более прижимистого, чем Петр Щукин: торговцы стариной жаловались, что тот и рубля никогда не накинёт. В ресторане торговался из-за бутылки вина, а когда супруга просила какую-нибудь вещь «для украшения дома», выбирал треснувшую тарелку или чашку с отбитой ручкой. О его брате Сергее Ивановиче все как один вспоминали совсем в иных выражениях. Андрей Белый назвал Сергея Ивановича «живым и наблюдательным»; Г. Гордон рассказывал А. А. Демской, что С. И. Щукин «был простой и демократичный, умный и проницательный». Анри Матисс тоже отмечал щукинскую проницательность и тонкость, правда, в вопросах искусства. А. Н. Бенуа поражался его «живописности», оговариваясь, что имеет в виду не какие-либо особенности или странности в его наружности, манере держаться или одеваться, а только то, что он «был весь какой-то красочный, искромётный, огненный». Точнее других выразился князь С. А. Щербатов: «Щукин не знает меры, он весь порыв и огонь».

Каким был «ни в чем не знавший меры» Сергей Иванович в семейной жизни, можно только догадываться. О первых годах совместного существования молодых супругов ничего определенного сказать нельзя: энергичный Сергей серьезно занимался делами фирмы, а Лидия каждый год рожала. Когда старшему Ване исполнилось пять, а младшей Кате год, супруги оставили четверых детей на попечение нянь и гувернанток и уехали путешествовать. Щукины, как и Боткины, были страстные путешественники. «Меньше всех путешествуем мы, русские. Иногда мы ездим, но почти никогда не путешествуем. Мы ездим в Крым, Карлсбад, Ниццу, но не ездим путешествовать». Биография дядюшки Николая Петровича Боткина (того самого, который дружил с Гоголем и спас его, заболевшего в Вене) это утверждение решительно опровергала: всю жизнь он только и делал, что путешествовал, и даже скончался, возвращаясь из странствия по Сирии и Палестине.

Непоседливый Сергей Щукин тоже отличался любознательностью. Первое путешествие они с женой совершили в 1891 году. Поездку в Турцию и Грецию можно было квалифицировать как «деловой туризм»: помимо бесконечного осмотра памятников и живописных красот Сергей Иванович зондировал почву на предмет поставок дешевого сырья и новых покупателей русской мануфактуры. С тех пор в Турцию и Грецию Щукины ездили постоянно. «Когда Сергей Иванович надевал феску, все принимали его за турка. Он смеялся, когда нам про это рассказывал. И вообще, он рассказывал о путешествиях так образно и так пылко, что мы себе все так ясно представляли – Афины, Олимпия, Бурса», – вспоминала одна из воспитанниц. Через пять лет супруги Щукины побывали в Индии, куда и сейчас рискнет поехать не каждый – огромное расстояние, непривычный климат, опасность подхватить экзотическую заразу и

прочее. Предпринять подобный вояж в 1896 году мог только настоящий экстремал, к числу которых явно принадлежал Сергей Щукин. Сильные эмоции были необходимы ему как воздух почти всю жизнь. По собственной воле он воздвигал перед собой препятствие, чтобы с блеском его преодолеть: мог повернуть рискованную сделку, пройти с караваном по пустыне, купить Пикассо или Дерена, приведя в шоковое состояние окружающих. Другого способа избавиться от комплексов и доказать свою исключительность он не видел.

Поездка в Индию получилась долгой, а впечатления – яркими. Если восстановить маршрут по почтовым открыткам, получается, что Щукины проехали всю Западную Индию: Бомбей, Священные гроты Кералы, храмы в Маунт Абу, Лахор, Джейпур, Дели. Сергей Иванович ехал верхом, а нежную Лидочку несли носильщики-кули. Если бы Щукин не увидел всей этой экзотики собственными глазами, еще неизвестно, прочувствовал бы он «тропические переживания» Гогена и сочные краски Матисса. «Это другой мир. Яркость красок, разнообразие костюмов и типов изумительны. Все ново, все интересно... красиво, декоративно. Простота и величавость несколько напоминают наши церкви, есть в стиле нашего Василия Блаженного», – написал Сергей Иванович на почтовой карточке, отправленной Петру, который Восток обожал (у него были редчайшие миниатюры из «Бабур-наме», исполненные в живописных мастерских падишаха Акбара, даже эстетское «Золотое руно» их публиковало), но дальше Алжира, Туниса и Марокко не бывал.

На память супруги сфотографировались вдвоем на слоне. Молодой, счастливый, с горящими от восторга глазами Сергей Иванович и задумчивая, смотрящая куда-то вдаль Лидия. Что-то в облике Лидии Григорьевны было нездешнее, начиная с «русалочьей», как выразилась одна из дочерей Третьякова, красоты и кончая странной погруженностью в себя. Огромные, чуть с поволокой глаза, печальный взгляд, точеная фигура – идеальная модель для обожаемых художниками ар нуво наяд и нимф. «Лидия Григорьевна была одной из красавиц Москвы, даже тоньше, чем Маргарита Кирилловна Морозова – та гораздо грубей, больше. Эта изысканнее. За ней ухаживал великий князь Сергей Александрович», – рассказывал А. А. Демской кто-то из стариков. Такую сказочную женщину нельзя было не обожать.

Выросла Лидия Коренева в Харькове, говорила, как все выходцы из Малороссии, слегка нараспев, прекрасно пела, любила костюмированные балы и «живые картины», меха, драгоценности, туалеты от Ворта; блистала в свете, путешествовала, воспитывала детей. Кроме нескольких семейных фотокарточек и коротких записок, написанных размашистым, неженским почерком, от Л. Г. Щукиной ничего не осталось. Если ее и поминают в связи с мужем-коллекционером, то лишь в качестве роскошной оправы особняка с картинами. Лидия любила музыку, увлекалась античной историей (есть замечательное ее фото в образе Елены Прекрасной в древнегреческих украшениях) и после очередной поездки в Грецию даже сочинила эссе «Спартанцы. Сцены из древнегреческой жизни», которые издала отдельной книжкой (к сожалению, ни одного экземпляра ее не сохранилось). К собирательскому азарту мужа Лидия Григорьевна была равнодушна – имей она иной темперамент, обязательно приревновала бы Сергея Ивановича к его новой страсти. Считалось, что живописью она особенно не интересовалась, а в спальне у нее – о ужас! – висел «скверненький» Бронников (был такой академик, писавший на близкие ее сердцу сюжеты из древнеримской жизни).

Странно, как избирательна порой бывает наша память. Автору этой книги в юности довелось попасть в московскую квартиру величайшего коллекционера русского авангарда Г. Д. Костаки. К величайшему сожалению, ничего, кроме пушистого розового коврика в спальне, в моей памяти не запечатлелось; вроде были еще иконы, но запомнился этот кислотно-розовый синтетический ковер, на который было страшно ступить, чтобы не запачкать.

Художник Федор Бронников был не таким уж скверным живописцем: жил пенсионером в Риме в одно время с Михаилом Петровичем Боткиным, расписывал посольскую церковь в Париже, где тетушка Мария Петровна венчалась с Фетом. Кстати, картин родственни-

ков – академик Боткина и брата Лидии, Анатолия Коренева, Щукины никогда не вешали. М. П. Боткин был скучный исторический живописец, а Анатолий – всего лишь художник-любитель¹². Несколько лет Анатолий Коренев жил в Париже, где вместе с земляком-харьковчанином Николаем Досекиным¹³ (друзья уехали во Францию вместе) и Максом Волошиным занимался в мастерской Елизаветы Кругликовой. Именно Коренев познакомил в Париже Волошина с Сергеем Щукиным, своим бобрером. Но коллекцию кореневского свояка Волошин увидел только спустя два года, когда приехал в Москву. Можно даже назвать точный день, когда он появился у Щукиных: 11 февраля 1903 года. Дата эта отмечена в волошинском жизнеописании отнюдь не из-за этого визита, а благодаря встрече с юной Маргаритой Сабашниковой, которая вскоре станет женой М. А. Волошина, поэта, художественного критика и культовой для русского искусства фигуры.

В тот памятный день двадцатилетняя Маргарита сделала в дневнике следующую запись: «Вчера вечером мы... пошли к Щукиным осматривать их коллекцию картин. Я увидела Руанские соборы Моне, его море и другие вещи... Brangwin'a... Renoir'a, Degas'a, Cotett, Carruier'a, Wistler'a и наконец самого Puvis de Chavann'a его Pauvre pecher¹⁴.

Хозяин был вежлив, зажигал то одну, то другую люстру и объяснял достоинство своих картин... Взоры с радостью останавливались на стенах, и сердце содрогалось, как будто здесь торжествовала правда... До 11 часов он показывал нам рисунки...

Странное чувство, смешанное чувство... Меня под конец трясла лихорадка. Столько новых впечатлений. Сам дом интересен, ему двести лет, обстановка старая, сделана мастером, отделявавшим Версальский дворец. Я забыла, что я в Москве, и удивилась, когда вышла в грязный от оттепели Знаменский переулок. Импрессионисты, которых я видела у С. И. Щукина, вошли в мою голову и стали в ней колом; я больше не могу игнорировать их задачи, не видеть того, что увидели они».

По меркам состоятельного москвича начала XXI века, «дворец Трубецких», из которого вышла потрясенная Моне и Ренуаром начинающая художница Сабашникова, мог бы считаться достойным, но не роскошным жилищем. Загородный коттедж площадью в 500 квадратных метров никого сегодня не удивит, а тут – анфилада из четырнадцати парадных зал на втором этаже и первый низкий жилой этаж со сводчатым потолком. В начале двадцатых галерею оставили на втором этаже, как и при Щукиных, а на первом устроили общежитие: на 129,5 квадратной сажени (582 квадратных метра) умудрились поселить семнадцать сотрудников музея с тридцатью тремя членами их семей (одну комнату пожизненно закрепили за сотрудником Музея изящных искусств гражданином Щукиным Д. И., братом бывшего владельца) плюс двадцать семей разных частных лиц с шестьюдесятью четырьмя чадами и домочадцами¹⁵. Деревья повыврубили, церковь Знамения Божьей Матери снесли, а напротив щукинских окон начали строить огромное здание Министерства обороны.

«Только в Москве можно было встретить такие чудеса, такую тихую деревенскую усадьбу в самом центре огромного и шумного города», – вспоминал в 1936 году А. Н. Бенуа, как трид-

¹² Анатолий Григорьевич Коренев (1868–1943) – художник, энтузиаст музейного дела, эрудит и знаток западноевропейского искусства, после революции заведовал Ялтинским подотделом секции изобразительного искусства при Крымском Наробразе. Исполнял обязанности главного хранителя Алушкинского дворца, директор (1921–1927) Ялтинского художественного музея, открытого в бывшем особняке княгини Бярятинской. Первый директор Севастопольского художественного музея (1927–1939). По его собственным словам, в течение восьми лет являлся «демонстратором картин» при Щукинской галерее.

¹³ Николай Васильевич Досекин (1863–1935) – живописец, график, сценограф, скульптор. В 1880-х годах переселился в Москву, учился в мастерской А. А. Киселева (где, видимо, познакомился с И. И. Щукиным). С 1899 года – член ТПХВ. С 1896 по 1914 год с перерывами жил и работал в Париже, занимался в частных академиях и мастерской Е. С. Кругликовой. В 1900–1901 и 1903 годах принимал участие в выставках «Мира искусства». В 1903 году стал одним из основателей и постоянных экспонентов Союза русских художников.

¹⁴ Имеется в виду картина Пюви де Шаванна «Бедный рыбак» (1879); ныне в ГМИИ имени А. С. Пушкина.

¹⁵ Получается, что на каждого жильца особняка по Большому Знаменскому, 8, приходилось меньше трех квадратных метров жилой площади.

цать лет назад он впервые попал «в этот типичный двухэтажный, вовсе не нарядный, но уютный особняк, стоявший среди сада с высокими столетними деревьями». Особняк, который все называли дворцом Трубецких, построили в царствование Екатерины Великой, и, до того как в 1808 году он достался семье Трубецких, в нем успели пожить князь Николай Шаховской, пензенский помещик Столыпин (приходившийся поэту Лермонтову прадедом) и обер-прокурор, князь Василий Хованский (расписные княжеские гербы на потолке в парадном салоне, где Щукин повесит Матисса, подтверждали аристократическое происхождение дома). Председатель Опекунского совета Николай Иванович Трубецкой, прозванный за маленький рост, громкий голос и чересчур резкие манеры Желтым Карликом, был самым знаменитым владельцем дворца. В 1874 году престарелый князь скончался и дом выкупила вдова его младшего брата княгиня Надежда Борисовна, считавшая своим долгом сохранить фамильное владение, где, по преданию, бывал сам Пушкин. Но вскоре особняк вновь был выставлен на продажу: приведя в порядок дела, новая хозяйка выяснила, что ее сын не только растратил все состояние, но и умудрился промотать приданое жены. Ивану Васильевичу Щукину недвижимость в центре досталась недорого – за 160 тысяч рублей, хотя и с «нагрузкой»: для княгини пришлось выделить небольшую квартиру во флигеле пожизненно.

Продажу дворца Трубецких аристократическое сообщество восприняло как знак тотального наступления «купца», и Борис Николаевич Чичерин, известный летописец дворянской России, горько пошутил, что в момент подписания этой сделки кости князя Трубецкого должны были содрогнуться в могиле. Иван Васильевич о фрустрациях разоряющегося дворянства не подозревал, выгодно сдал дом внаем, а когда у Сергея с Лидией родился сын, растрогался, что внука назвали в его честь, и подарил особняк молодым, с жиличкой-княгиней, «очень гордой, очень царственной» в придачу. В 1903 году, когда Маргарита Сабашникова, будущая деятельница антропософского движения, а тогда просто племянница московских книгоиздателей братьев Сабашниковых, попала в Знаменский, старшему сыну Щукиных Ивану уже исполнилось семнадцать. Через год он окончит Поливановскую гимназию и поступит на историко-филологический факультет Московского университета. К новой живописи Иван Сергеевич всегда оставался равнодушен.

«Хозяин нажал электрическую кнопку, и зал осветился ярким светом. Моментально из темноты выступили картины.

– Вот Моне, – говорит Сергей Иванович Щукин. – Вы посмотрите, живой.

В картине при электрическом свете на расстоянии совсем не чувствуешь красок, кажется, что смотришь в окно, утром, где-нибудь в Нормандии, роса еще не высохла, а день будет жаркий.

– Посмотрите на Похитонова, он совсем черный рядом с Моне, его надо отсюда убрать. Вот Дегас, жокей, танцовщицы, а вот Симон... Пойдемте в столовую, там у меня Пюви де Шаванн...

– Вот и “Bande Noire”, как называют Cottet, вечер на берегу моря перед грозой, по набережной идут люди. <...> Вот Бренгвин. А теперь я вам покажу Уистлера».

Имена почти те же, хотя цитируемый выше мемуар более ранний и относится к 1900 году. Художник Василий Переплетчиков, сделавший эту запись, не столь восторжен, как мадемуазель Сабашникова, зато необычайно точен и воспроизводит монологи дословно, вплоть до знаменитого щукинского заикания. Дневник Переплетчиков начал вести в 1886 году (как раз в год, когда Щукины получили в подарок «дворец Трубецких»), но записи делал не изо дня в день, а часто по памяти. Непохоже, чтобы Василий Васильевич отложил описание проведенного на Знаменке вечера на потом.

«У Сергея Ивановича собраны последние цветы самого передового направления в Европе. У него много вкуса, искусство он чувствует. У него “le dernier cri”¹⁶ современного искусства.

– Ч... чаю хотите? Позвольте.

За чаем разговор о последней поездке в Париж. У Дюран-Рюэля он видел чудного Pissarro. Не продает. Оставил для себя. Цена Monet поднялась с 1000 франков до 17 000 и поднимается еще выше.

После осмотра картин сидим в библиотеке, там масса русских и иностранных журналов. Говорили о Дягилеве, о его журнале “Мир искусства”, о Тёрнере, Владимире Соловьеве. С. И. за всем следит, часто ездит за границу. Приходят прощаться дети: славные черноглазые мальчики, с ними французский гувернер. Они тоже занимаются живописью, у них в комнате лежат краски, стоит мольберт, на столах этюды, в которых тоже чувствуется “модерн”. Ну, не пора ли по домам! Хозяин провожал гостей до передней и, стоя на лестнице старинного барского дома, который, должно быть, много видел на своем веку, говорил гостям, которые уже надели шубы:

– На днях мне Дюран-Рюэль пришлет “Макса” (имеется в виду французский художник Эдгар Максенс. – Н. С.), приходите смотреть...»

Из записей Переплетчикова и Сабашниковой следует, что Сергей Иванович секрета из своих картин никогда не делал и шанс попасть к нему имелся не только у друзей и знакомых, но и у знакомых знакомых, а со временем вообще у всех желающих: достаточно было записаться по телефону (приемным днем для публики было воскресенье). Сергей Иванович сам сопровождал посетителей в качестве экскурсовода, не считая это занятие утомительным. Ему требовалась аудитория: как актеры, он «подпитывался» от публики. «С. И. очень живо, горячо рассказывал о своих картинах, потом громко смеялся, а все делали вид, что поняли и что им очень понравилось» – воспитанницы Сергея Ивановича Аня и Варя мало что могли вспомнить, когда в конце 1960-х их расспрашивала А. А. Демская, но даже такие подробности упускать не хочется. Своему кругу коллекция демонстрировалась во время званных обедов, ужинов и музыкальных вечеров. Народу у Щукиных иногда собиралось человек до двухсот, приемы были пышными, выпивали не меньше пятидесяти бутылок шампанского. Лидия Григорьевна умела все устраивать на высшем уровне: каждая из дам на прощание неизменно получала букет красных роз.

Художник Сергей Виноградов вспоминал, что Сергею Ивановичу ужасно нравилось удивлять своих гостей, «эпатировать буржуа», как выражались тогда. «На пятничных его обедах помимо людей искусства были и люди от коммерции. Люди эти возмущались действиями Щукина, покупавшего “такие ужасы”. Они запальчиво это высказывали, и видно было, как Сергей Иванович наслаждался этим, а нам было забавно наблюдать. Надо сказать, что людей от коммерции особенно волновали еще и огромные деньги, которые Щукин платил за картины эти странные». Перечисленные Переплетчиковым и Сабашниковой имена к эпатажу отношения не имели – Виноградов пишет о тех временах, когда на стенах появились Гоген, Ван Гог, Сезанн, не говоря уже о Матиссе и Пикассо. Пока же все выглядело крайне благопристойно: «Судовщики» («Бурлаки») Люсьена Симона, виды Венеции Шарля Котте, пейзажные «оранжировки» Уистлера, скачки и нарядная публика Форена. Теперь, конечно, эти имена померкли в тени импрессионистов, а в конце XIX столетия, когда С. И. Щукин начинал собирать свою коллекцию, их живопись казалась свежей и непосредственной. Пейзажи норвежца Фрица Таулова и англичанина Джеймса Патерсона, марины американца Джеймса Уистлера, «блеклые женщины» француза Эжена Карьера, тот же Форен, Котте, Симон – отличный выбор, «скромное», как выразился Грабарь, но грамотное, добавим мы, начало. До изошренной бессюжетной живописи импрессионистов русской публике, воспитанной на идейных передвижниках, сле-

---

¹⁶ Последний крик (*фр.*).

довало еще дорасти. С. И. Щукин оказался смелее и прозорливее большинства своих соотечественников, но не будем так уж идеализировать нашего героя. «Левел» Сергей Иванович постепенно, и первые шаги великого коллекционера никаких чудес не предвещали.

Когда Щукины только переехали в Знаменский, Сергей Иванович начал покупать русских художников – так, по мелочи, для интерьера. Об этом бы забыли, как о пресловутом Бронникове, но Л. О. Пастернак в «Записях разных лет» вспомнил, что видел «в задних жилых комнатах» этюды Сурикова и свой собственный рисунок углем. Зазорного в этом ничего не было. Иметь этюды Сурикова в начале 90-х считалось хорошим тоном, так же как и пастели Пастернака (настоящая популярность к отцу поэта пришла чуть позднее, благодаря иллюстрациям к романам Льва Толстого, которые «с продолжением» печатались в «Ниве»). Кто-то углядел еще морской вид кисти Руфина Судковского (его любили сравнивать с Федором Васильевым – столь же большой талант и столь же ранняя смерть) и «Сад» Похитонова, чьи тонкие пейзажи покупал сам император. Написанный Похитоновым по фотографии портрет шагающего по набережной Биаррица Ивана Васильевича Щукина отлично смотрится в постоянной экспозиции Третьяковской галереи в зале Левитана и его современников. Иностранские покупки, даже самые ранние, Сергей Иванович сохранил, а от русских избавился раз и навсегда; рассказы о том, что Щукин в 1910-х якобы купил работу Татлина или кого-то из соотечественников – чистое мифотворчество и самопиар русских авангардистов.

Помимо «проходных» немцев Лемана и Либермана, француза Лобра и испанца Сулоаги у Щукина появился небольшой пейзаж с хижинкой Курбе (знатоки творчества художника причисляют его к числу лучших альпийских видов «последнего романтика»). В начале 1890-х Курбе стоил гораздо дороже, чем Писсарро или тот же Моне, а в 1870-х и 1880-х, когда своих барбизонцев и Курбе покупал Дмитрий Петрович Боткин, порядок цен был совсем иной. Дядя покупал картины художников, которых почти двадцать лет отвергало жюри Салонов, но в итоге они были признаны и названы классиками. «При теперешнем постоянно возрастающем поднятии цен на парижских картинных аукционах можно прямо сказать, что сто с небольшим картин, находящихся у Д. П. Боткина, стоят в настоящую минуту по крайней мере в пять раз больше того, что он за них заплатил. Некоторые мастера... Коро, Руссо, в особенности Мейссонье, Фортуни оказались баснословно дорогими. И теперь эта коллекция представляет собой, по самой скромной оценке, капитал в два миллиона франков. Пройдет десять – двадцать лет, капитал этот удвоится или утроится», – уверял в 1881 году читателей «Вестника Европы» П. П. Боборыкин.

Дядюшкин пример не мог не вдохновлять племянника: получалось, если быть любознательным, обладать интуицией, вкусом и глазом, можно остаться в выигрыше. Даже не в том смысле, что картины поднимутся в цене, хотя и это немаловажный факт, а в том, что, рискнув поставить на правильного художника, есть шанс всех обойти. Вряд ли дядя консультировал племянника: Сергей Щукин заразился собирательством уже после смерти дяди, но галерею на Покровке знал хорошо, поскольку часто бывал там с родителями¹⁷. А вот на увлечение свояка Сергея Третьякова Дмитрий Петрович повлиял несомненно. Родственниками они приходились друг другу через жен, внучек московского городского головы, дочерей владельца Реутовской мануфактуры. Оба были женаты на сестрах: Боткин на Софье, а Сергей Третьяков на ее сестре Елизавете Мазуриной¹⁸. Д. П. Боткин начал собирать картины в конце 1850-х. С. М. Третьяков пристрастился к этому занятию позже – в начале 1870-х годов, когда его брат Павел Михайлович уже серьезно покупал русских художников. Повторять брата, собиравшего

---

¹⁷ В 1910 году С. И. Щукин писал Матиссу, что в молодости был страшно увлечен Пюви де Шаванном: возможно, ему запало в душу висевшее у Д. П. Боткина полотно «Деревенские пожарники» – одна из ранних работ французского символиста (ныне находится в Эрмитаже).

¹⁸ Другая сестра, Варвара, вышла замуж за И. Я. Прохорова, владельца Трехгорной мануфактуры, а Анна – за владельца золотоканительной фабрики А. А. Алексеева, родственника К. С. Алексеева-Станиславского.

у себя в Толмачах галерею национального искусства, он считал неразумным, да и темперамент у Сергея Михайловича был иной. Он любил общество, светскую жизнь, а брат Павел Михайлович не выносил речей и торжеств, был немногословен, замкнут, неулыбчив. «Не обдумав, он не делал ничего. Без цели – ничего лишнего, все у него по плану. Ну, а если что захочет, – конечно, все поставит на карту, чтобы добиться... Эта вежливость, этот распорядок во всем делали его как бы нерусским». На самом деле европейцем был Сергей Михайлович, который помимо поездок в Кострому (Третьяковым принадлежали Костромская мануфактура, льноткацкие и льнопрядильные фабрики) проводил много времени по делам фирмы в Париже, где и увлекся современным искусством. Сориентироваться ему помогли Д. П. Боткин и И. С. Тургенев – страстный поклонник барбизонцев, считавший новейших французских пейзажистов «бесспорно первыми в мире». На французские картины С. М. Третьяков потратил миллион франков (400 тысяч рублей по тогдашнему курсу¹⁹).

Своих Добиньи, Коро, Курбе, Милле, Руссо и Тройона Дмитрий Петрович покупал через парижских маршанов – Гупиля, братьев Пти, Дюран-Рюэля. Будучи коммерсантом, Боткин старался не переплачивать, действуя по принципу: «Задорого купить может каждый, купить дешево – вот настоящее искусство». Покупать у художников напрямую, без посредников, ему помогал Алексей Петрович Боголюбов, художник, коллекционер и главный художественный эксперт императора Александра III. «Когда я оставлял моих благодетелей (прославленный маринист давал уроки живописи будущему царю и его супруге. – Н. С.), наследник Цесаревич сказал: “Пишите мне, что встретите интересного по художеству, да и приобретайте, что найдете достойным”», – вспоминал Боголюбов. А если великий князь появлялся в Париже, Боголюбов просвещал его по части парижских художественных новинок: водил по галереям и мастерским художников; Д. П. Боткин и С. М. Третьяков двигались тем же маршрутом.

А. П. Боголюбов не только консультировал других, но и сам собирал. Со своей коллекцией он поступил благородно: подарил городу Саратову. Так в провинциальной России появился первый общедоступный музей, который, по желанию дарителя, назвали «Радищевским» – автор знаменитого «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищев приходился художнику дедом. Прежде чем оказаться в Саратове, картины прибывали в Москву вместе с последними французскими покупками Дмитрия Петровича. Их доставляли по адресу: «Покровка, собственный дом Д. П. Боткина» (ныне Покровка, 27), значившемуся даже в путеводителе Бедкера – с разрешения хозяина три «картинные комнаты» (два салона и кабинет с итальянским окном) в определенные часы мог посмотреть любой.

Итак, подтолкнуть к собирательству Сергея Щукина мог, во-первых, пример Д. П. Боткина, коллекция которого в восьмидесятых годах насчитывала более ста картин, а во-вторых, отцовского приятеля Кузьмы Терентьевича Солдатёнова, чья галерея тоже фигурировала в московских путеводителях. Солдатёнов, хотя и не состоял с Щукиными в кровном родстве, оказался самым близким их семейству человеком. И. В. Щукин и К. Т. Солдатёнов оставались неразлучны с юных лет – странно было слышать, как два старца фамильярно обращались друг к другу «Ваня» и «Кузьма». Если сопоставить факты и даты, получается, что именно благодаря Солдатёнову его друг Иван Щукин попал к Боткиным в Петроверигский, где встретил свою будущую жену. «Связующим звеном» в этой цепочке мог стать либо историк Т. Н. Грановский (в сороковых годах Василий Боткин уговорил отца сдать ему половину бельэтажа), либо доктор П. Л. Пикулин, ближайший друг Щукина и Солдатёнова, он же муж Анетты – Анны Петровны Боткиной-Пикулиной, сестры Екатерины Петровны Боткиной-Щукиной. Пикулин, чей кабинет современник называл «последним центром, где сходились люди 40-х», постоянно

---

¹⁹ Теперь они благополучно висят в Пушкинском музее рядом с картинами, купленными С. И. Щукиным. Картин из коллекции Д. П. Боткина в России почти не осталось – наследники увезли их в Париж и, оказавшись в эмиграции, существовали на средства от их продажи.

появлялся в кружке Станкевича, где обсуждались вопросы философии, эстетики и литературы, активными членами которого были Василий Петрович Боткин и Грановский. Сейчас фамилия Грановский скорее ассоциируется с улицей, на которой проживали советские партийные деятели, а в 1840-х годах это имя гремело: «ни один русский профессор не производил на аудиторию такого неотразимого и глубокого впечатления», как историк Тимофей Грановский.

К. Т. Солдатёнков и И. В. Щукин были не только партнерами по бизнесу и ровесниками. Они росли в купеческих семьях, служили в лавках своих отцов, вместе начинали на Таганке (на двоих купили ткацкий станок и наняли рабочего ткать кисею), вместе богатели, занимали должности, держали ложу в Большом театре и жили на даче в Кунцево. Только Солдатёнков стал публичной фигурой, и поэтому о нем написано много и подробно, а о И. В. Щукине вспоминают лишь как об отце прославленных коллекционеров. Несомненно, Кузьма Терентьевич был персонаж гораздо более колоритный, чем старший Щукин. «Я всегда удивлялся, как человек, не получивший образования даже на медные гроши (а ведь он до старости писал плохо и ни на каком языке, кроме русского, не говорил), был так развит <...> это был истинно русский ум, не без практической жилки, но такой глубокий и разносторонний...» – вспоминал художник А. А. Риццони. В Солдатёнкове все было необычно. Старообрядец и при этом убежденный западник. Жил в гражданском браке с французенкой Клеманс Карловной Дюпюи, которая так и не научилась говорить по-русски (она звала его Кузей, а он ее Клемансой). Купил за огромные деньги у князей Нарышкиных дачу в Кунцево, построил на Мясницкой особняк по индивидуальному проекту – с молельней и салоном в стиле Людовика XVI; собрал картинную галерею, огромную библиотеку.

Собирать Солдатёнков начал в 1852 году – на целых четыре года раньше самого Павла Третьякова, о чем, впрочем, редко когда вспоминают. В искусстве коллекционер-натурщик разбирался слабо, но признаваться в этом не стеснялся. Николай Петрович Боткин, названный Фетом красавцем туристом, познакомил Солдатёнкува в Риме с художником Александром Ивановым (судьбы Боткиных, Щукиных, Солдатёнковых и Третьяковых постоянно пересекаются: один круг, ничего не поделаешь). Иванова первого Кузьма Терентьевич попросил помогать и покупать ему русских художников на его вкус и выбор. В 1860-х Солдатёнков сделался обладателем прекрасной коллекции русской живописи и даже удостоился любовного прозвища Московский Медичи²⁰. «Если бы не Прянишников²¹, Третьяков и Солдатёнков, то русским художникам некому было и продать свои картины: хоть в Неву их бросай», – любил повторять художник Риццони.

Крупнейший российский торговец бумажной пряжей тратил свои миллионы на разнообразные культурные и общественные нужды, а не только «задавал лукулловские обеды и сжигал роскошные фейерверки с громадными щитами, снопами из ракет, бенгальскими огнями» на даче в Кунцево, где по соседству проживали Третьяковы, Боткины и Щукины. Более всего известен Солдатёнков некоммерческой издательской деятельностью и бесплатной больницей для бедных «без различия званий, сословий и религий». Раньше больница называлась Солдатёнковской, а после революции была переименована в Боткинскую. Вряд ли Солдатёнков обиделся, узнав, что больница, на которую он потратил более миллиона, получила имя доктора Сергея Петровича Боткина, одного из братьев Боткиных, с семьей которых он был так дружен.

Жизнь и судьба каждого из Боткиных – захватывающий сюжет с неизменным участием их доброго гения В. П. Боткина. Сергей Боткин, в детстве считавшийся чуть ли не умственно отсталым, тоже всем обязан Василию Петровичу. Старший брат нанял ему хорошего домаш-

---

²⁰ Принадлежавшие К. Т. Солдатёнкову 230 полотен русских мастеров, коллекция скульптур и гравюр, а также картины иностранных мастеров и двадцатитысячетомная библиотека – все было завещано Румянцевскому музею.

²¹ Федор Иванович Прянишников (1793–1867) – директор почтового департамента, собрал коллекцию картин русских художников. Его галерея была единственным русским частным собранием, купленным после смерти владельца казной. Поступила в Румянцевский музей в Москве; ныне в составе Государственной Третьяковской галереи.

него учителя, который распознал у Сергея выдающиеся математические способности. Математиком С. П. Боткин не стал, поступил на медицинский факультет, прошел ординатуру в Европе на завещанные ему старшим братом деньги и стал великим врачом, основателем отечественной школы клинической медицины.

Родившиеся в 1810-х годах В. П. Боткин, К. Т. Солдатёнков и И. В. Щукин редко «проговаривались» о своем детстве и юности. Поэтому столь поразительно признание, сделанное Василием Петровичем Боткиным в письме младшему брату: «Из моего детского возраста – нет отрадных воспоминаний: добрая, простая мать, которая кончила тем, что беспрестанно напибалась допьяна, – и грубый, суровый отец. И какая дикая обстановка кругом. Но, несмотря на суровость, – отец, при всем невежестве, был очень неглуп и в сущности добр. Поверишь ли, что память моя сохранила из моей ранней молодости, исполненной такой грязи и гадости, – что даже отвратительно вспоминать себя». Как это похоже на детство Солдатёнкова, который «родился и вырос в очень грубой и невежественной среде Рогожской заставы, не получил никакого образования, еле обучен был русской грамоте и всю свою юность провел “в мальчишках” за прилавком своего богатого отца, получая от него медные гроши на дневное прокормление в холодных торговых рядах».

Купечество было людьми второго разряда. А если вспомнить, что у многих вдобавок имелись крепостные прадеды, то неудивительно, с какой энергией и напором они устремились сначала в бизнес, а затем в собирательство – достойное обладателя больших денег увлечение, позволяющее доказать себе и окружающим собственную избранность.

Глава третья

Иван-младший

Ивану Васильевичу Щукину исполнилось пятьдесят, когда родился последний из его сыновей, Иван-младший. Ни о каких поездках в немецкую школу в Выборг или петербургский пансион речи уже никто не заводил. До пятнадцати лет Ваня учился дома – отец организовал для младших детей «целый штат гувернеров, воспитателей и преподавателей», а потом определил сына в Катковский лицей²². Дети привилегированных и состоятельных родителей учились в двух московских заведениях: либо в Поливановской, имевшей все права казенной гимназии, либо в Катковском лицее, не важно, купцы или аристократы. Если бы не фамилия, в Иване Ивановиче Щукине (1869–1908) никто и не заподозрил бы купеческого сына: внешностью он пошел в боткинскую родню, был строен и элегантен – не в пример мужиковатым коротконогим старшим братьям. Был «умен, талантлив, остроумен, но не глубок», как в старости напишет учившийся вместе с ним И. Э. Грабарь. В середине 1880-х пятнадцатилетний лицеист смотрел на одноклассника по историко-филологическому отделению с нескрываемым обожанием. «Особенно импонировала мне безапелляционность его отзывов: тот – безграмотен, этот – бездарность, третий – пошляк. Я принимал все на веру и только удивлялся ошеломлявшей меня осведомленности – память у Ивана, – вспоминал Грабарь, – была феноменальной, он постоянно что-то читал – по-русски, по-французски, по-немецки. Щукин знал не только всех русских художников, но и французских, немецких, английских, испанских и передавал о них подробности, которые я готов был выслушивать целыми днями». Высокомерием Иван-младший тоже отличался с юности. Грабарь вспоминал, как тот постоянно язвил насчет директора и его педагогических методов. «Подобно мне, он ни в коей мере не разделял мнение своего отца о величии Каткова... повторяя слышанное где-то на стороне, но, конечно, не дома, где все было по старинке и где Каткова называли не иначе как по имени-отчеству». Учитывая, что М. Н. Катков дружил с В. П. Боткиным и входил в уже упоминавшийся кружок Станкевича, старший Щукин не мог не относиться к основателю московского лицея с пиететом.

Если переселение душ все-таки существует, то Иван Щукин несомненно стал реинкарнацией Василия Петровича Боткина. Племянник мог бы посоревноваться с дядей в эрудиции и литературном таланте: студентом Иван Иванович, как вспоминал он сам, «усиленно строчил в московских изданиях, получая по пять копеек за строчку», потом сотрудничал в суворинском «Новом времени», в «Петербургских ведомостях». Теперь он подписывал свои заметки «Жан Броше» – «Иван Щука», если переводить дословно, так как числился нештатным зарубежным корреспондентом. В 1893 году Иван Иванович уехал в Париж – Россию он всегда не любил, считал отсталой, провинциальной и не раз признавался, что «азиатская душа» Москвы ему чужда. Вот чем обернулись западничество и космополитизм старших, однако западничество умеренное. «Западник, только на русской подкладке, из ярославской овчины, которую при наших морозах покидать жутко», – говорил о В. П. Боткине А. А. Фет.

Иван Иванович рано или поздно все равно перебрался бы за границу, а тут подвернулся благородный повод: сопровождать на лечение брата Владимира, горбатого от рождения. «Он был задушевный человек, в особенности любил брата Ивана, с которым вместе рос, и няню Эмму Карловну», – вспоминал Петр Иванович, не скрывавший, что «несчастливого брата» знал плохо – большая разница в возрасте не способствовала близости старших и младших. В конце августа 1895 года Владимир Щукин умер в Париже от туберкулеза мозга. В память о нем Московский университет получил 70 тысяч рублей и две стипендии для студентов физического

---

²² Лицей цесаревича Николая, привилегированное мужское учебное заведение, был основан в 1867 году М. Н. Катковым и задуман как образцовое для других русских гимназий и вузов учебное заведение.

и две – для учащихся медицинского факультета, который окончил В. И. Щукин. Поездка на похороны – брата похоронили в Покровском монастыре – была последним визитом Ивана Ивановича в Москву. В Париж он вернулся с «эгоистическим чувством некоторого облегчения». Отныне с Россией его больше ничего не связывало. Денежные вопросы он уладил, передав свой пай в семейном деле в управление Петру (брат регулярно выплачивал ему приличную сумму).

«Ехать в Москву теперь не помышляю – да минует меня чаша сия! А с Вами был бы рад повидаться и потолковать, но только здесь, на гнилом Западе», – звал Иван в «столицу мира» Остроухова (они когда-то вместе занимались живописью, а потом Илья Семенович женился на его кузине Наде Боткиной²³). Связями, знаниями, наконец, средствами Ивана Ивановича пользовались очень многие, и очень многие его не любили, называли самонадеянным и циничным, но только за глаза. Особенно нелицеприятно отзывался об Иване Ивановиче А. Н. Бенуа. Читая расшифрованный упорными исследователями дневник Александра Николаевича 1906 года, понимаешь, насколько рискованное занятие – исповедаться бумаге. Ощущение от записей Бенуа, как и от дневников Юрия Нагибина, двойственное – от «совершенной искренности» часто делается неловко. «Прочел несколько “Парижских акварелей” Щукина²⁴. Не абсолютно бездарно, но его ненависть к русским за границей ужасно хамская»; «Завтракал со Щукиным. – Кислота скепсиса»; «Обедал с Сережей у содержанки Щукина. – Курьезное общество... – Похабные разговоры... Щукин ни к чему. Дешевый скептицизм, сплетни». Бенуа плевался, но ни разу не отказался пойти со Щукиным на обед или на выставку, потому что перед ним открывались любые двери и благодаря его протекции можно было попасть хоть на великосветский прием, хоть в мастерскую Родена.

Иван Иванович Щукин был если не самым известным из парижских русских, то точно одним из них. Адрес «Авеню Ваграм, 91» в русской колонии знал каждый. Если бы на доходном доме на углу авеню Ваграм и рю де Курсель установили мемориальную доску, список знаменитых посетителей вторников Жана Ваграмского (как в шутку называл Ивана Ивановича Грабарь) был бы длинным: Боборыкин, Суворин, Чехов, Мережковский, Максим Ковалевский, Василий Немирович-Данченко, Волошин, Грабарь, Александр Бенуа, Бальмонт, Казимир Валишевский, Онегин-Отто. Впрочем, если бы доску устанавливали французы, то они начали бы со своих: Роден, Дега, Ренуар, Гюисманс, Дюран-Рюэль...

Иван Иванович предвидел, что в России о нем никто не вспомнит и его историческими исследованиями не заинтересуются. Случилось именно так, как он и предполагал: дело ограничилось несколькими некрологами, и то скорее по причине его загадочной смерти. «Вот вы говорите, что я якобы “нужен своей родине”, но это мне кажется не совсем так... На родине мне прежде всего пришлось бы бросить теперешние работы, ибо там за некоторые взгляды по головке не погладят», – делился Иван Иванович с Остроуховым. Чем же таким предсудительным занимался Щукин? Ну, принимал у себя политических эмигрантов, заранее предупреждая гостей, что за обедом будут люди самых разных лагерей и направлений – надо же русским где-нибудь встречаться на чужбине. Ну, входил в правление Русской высшей школы общественных наук в Париже, руководимой М. М. Ковалевским²⁵, на которую в Петербурге

---

²³ Их взаимоотношения подробно описаны в части третьей.

²⁴ Речь идет о газетных и журнальных публикациях И. И. Щукина, выходивших под заголовком «Парижские акварели» и затем объединенных в книгу с тем же названием (см.: *Щукин И. И. Парижские акварели: Очерки и корреспонденции*. СПб., 1901).

²⁵ *Максим Максимович Ковалевский* (1851–1916) – профессор государственного права. Лидер партии демократических реформ. Руководил Русской высшей школой общественных наук (полный курс три года), основанной в 1900 году в Париже, где читались лекции по гражданскому праву, философии, психологии, всеобщей истории, социологии, истории религий, литературе и пр. Школа располагалась в снятом для нее помещении Школы социальных наук напротив Сорбонны. Лекции проходили в большой аудитории, украшенной картой России. Плата была чисто номинальной – 20 франков год. Взнос анонимной жертвовательницы в 20 тысяч франков позволил существовать школе несколько лет. Лекции в школе читали видные ученые и политические деятели: Н. И. Кареев, М. М. Ковалевский, П. Г. Виноградов, Е. В. де Роберти, Ю. С. Гамбаров, М. М. Винавер,

«смотрели с подозрением». Иван Иванович читал в школе курсы по истории христианства, религиозному и общественному движению в средневековой Европе, по истории русского права и истории живописи. Он, как и его коллеги, искал интересных лекторов, чтобы привлечь их к преподаванию. «Вся история религий легла в этом году на меня и совершенно задавила меня своей тяжестью. <...> Читаю я “историю христианства в первые 3 века”; основной идеей курса является постепенное проникновение греческих элементов в иудейские верования, др[угими] слов[ами] – процесс эллинизации восточных доктрин. Читаю я в настоящую минуту “иудаизм”, не дошел еще даже до Христа и, конечно, в этом году курса закончить не успею», – писал Иван Иванович в феврале 1903 года Вяч. И. Иванову, согласившемуся по его просьбе прочитать в школе курс лекций «по религии греков»²⁶. Как же все изменилось: сын истово религиозного Ивана-старшего, Иван-младший относится к религии как к науке, пишет трактат о самосожжении у старообрядцев и не считает себя обязанным хранить верность нормам христианской морали.

Далеко не праведный образ жизни не мешал Ивану Ивановичу проявлять щедрость и благородство. Он собрал уникальную библиотеку по истории русской философии, истории и религиозной мысли, потратив на нее уйму денег. Широким жестом он преподнес большую ее часть Школе восточных языков (*École des Langues Orientales* – в которой, покинув Школу общественных наук, читал курс русской истории), за что был удостоен ордена Почетного легиона – скромной красной ленточки в петлице, которой, по его собственным словам, «вожде-лел каждый француз». В том же 1905 году старший брат Петр Иванович сделал аналогичный жест: подарил собранный им Музей древностей с многотысячной коллекцией, зданиями и землей Москве и получил в награду чин действительного статского советника (равнозначный по табели о рангах штатскому генералу).

После смерти Ивана Ивановича Школа восточных языков умоляла Петра Ивановича выкупить оставшуюся часть драгоценной библиотеки его брата. «Как вам известно, наша страна нашла способ отблагодарить Ив. Ив. за его заслуги, – обращался к Петру Ивановичу один из руководителей Школы восточных языков, обещая, что Франция не останется перед ним в долгу. – Я попрошу заказать... ваш личный *ex-libris*, который потом будет отпечатываться по вашему личному указанию на каждом томе. Сумма на аукционе 5—10 тыс. фр.». Однако Петр Иванович, вынужденный улаживать дела по наследству младшего брата, употребил средства на более насущные нужды. Почти шесть тысяч стоили похороны, еще четыре были заплачены за могилу на Монмартрском кладбище и гранитную плиту. В день аукциона шукинской библиотеки директор Школы неожиданно получил чек на 10 тысяч франков, выписанный сыном Сергея Ивановича Григорием. Место предусмотрительный Петр Иванович купил на четверых, так что было где потом похоронить Сергея Ивановича, его вторую жену Надежду Афанасьевну и их дочь Ирину Сергеевну.

Е. В. Аничков, П. Н. Милуков, М. И. Туган-Барановский, В. М. Чернов, В. И. Ленин и другие.

²⁶ В 1901/02 учебном году И. И. Щукин читал курс «Религиозное и общественное движение в XIV и XV веках», а среди «дополнительных курсов и отдельных лекций» – «Введение в изучение истории; Литература истории русского права». В программе школы на 1903/04 учебный год имени Щукина уже нет. Через кого И. И. Щукин познакомился с Ивановым, неизвестно, но летом 1896 года Иванов уже совершает «обычные визиты» к Щукину, часто в сопровождении И. М. Гревса. (См.: *Николай Богомолов*. К истории вхождения Вяч. Иванова в литературный мир.)

Глава четвертая **«Упадок или возрождение?»**

Андрей Белый, знавший обоих Щукиных, Сергея и Ивана, больше симпатизировал первому. «...Тот был брюнет (на самом деле Сергей Иванович был седой – говорили, что он поседел в ночь смерти первой жены, но на фотографиях видно, что седина появилась гораздо раньше, только борода оставалась темной. – Н. С.); этот – бледный блондин; тот – живой, этот – вялый; тот – каламбурист наблюдательный, этот – рассеянный, тот – наживатель, а этот ученый... Я ходил к [Ивану Ивановичу] Щукину, где между мебели, книг и картин, точно мощи живые, сидел Валишевский, известный историк <...> Запомнился слабо-рассеянный, бледный хозяин, клонивший угрюмую голову, прятывший в блеске очков голубые глаза; вид – как будто сосал лимон; лоб большой, в поперечных морщинах».

Еще Белый вспоминал, что Иван Иванович служил в Лувре и давал в «Весах» первосортные отчеты о выставках, хотя тот лишь рецензировал новые книги²⁷. В Лувре И. И. Щукин тоже никогда не служил, однако в парижском художественном мире, или, как теперь выражаются, «художественной тусовке», считался своим. Жан Ваграмский собирал у себя «образованных снобов», ученых, артистов, писателей, владельцев галерей, модных художников. Когда-то Иван Иванович и сам учился рисовать. Один из его соучеников по студии А. А. Киселева потом вспоминал: «Одновременно со мною пришел другой ученик, лет 22–23, брюнет с гладкими волосами, очень скромный и благовоспитанный, чуть-чуть робкий, с размеренной речью <...> Я с ним начал разговаривать, так как хорошо помнил типичную фигуру его отца, давнишнего дачника в когда-то любимом мной Кунцеве <...> Киселев дал нам работу... я встал для передышки и попросил позволения... подойти к его мольберту. О, изумление! Ив. Ив. голубое небо рисовал чистым кармином, я глазам своим не верил... Одну минуту я стоял в раздумье: неужели это фортель, неужели это для вящего эффекта?.. Когда я задал вопрос своему учителю Киселеву, он ответил: “Видите ли, Ив. Ив. дальтоник, красок не разбирает. Но он так любит живопись, ему так хочется чему-либо научиться, что мне жалко разочаровать его”».

Анекдот это или нет, но Грабарь обошел в своих воспоминаниях такую вкусную деталь, как дальтонизм. Зато не забыл, как купеческий сынок, «распутник и прожигатель жизни», делился «достававшимися ему столь легко» тюбиками масляных красок, а потом в Париже водил «по разным импрессионистическим местам». По тем же местам Иван Иванович наверняка водил и старшего брата Сергея, с которым Грабарь прежде не встречался. В автобиографии «Моя жизнь» Игорь Эммануилович вспоминает, что впервые увидел С. И. Щукина в 1901 году: он ехал с князем Щербатовым в поезде, и Сергей Иванович оказался их попутчиком. Грабарь только вернулся в Россию после долгого отсутствия: жил в Германии, учился у Антона Ажбе в Мюнхене, преподавал в его школе, а потом стал давать уроки молодому, способному князю С. А. Щербатову. Собственно, князь и представил его С. И. Щукину, «человеку лет пятидесяти, с сильно поседевшими, зеленого цвета волосами и бородкой».

Грабарь запомнил эту случайную встречу в поезде надолго. Критики редко знакомятся с читателями, а тут коллекционер-миллионер признается, что начал покупать новую живопись исключительно благодаря его статье о современных течениях и что именно она впервые «убедила в важности искусства и зажгла к нему интерес». Речь шла об очерке «Упадок или возрождение?», помещенном в приложении к «Ниве», самому популярному русскому журналу. Четверть миллиона подписчиков для полуграмотной страны в 1904 году, в год смерти издателя «Нивы» А. Ф. Маркса, были таким же рекордом, как и тридцать три миллиона экземпля-

---

²⁷ Допущенная А. Белым в воспоминаниях неточность по поводу службы в Лувре была взята как достоверный факт и до сих пор повторяется в большинстве биографий И. И. Щукина.

ров газеты «Аргументы и факты» в перестроечном 1990 году. «Журнал политики, литературы и общественной жизни», хотя и печатался на газетной бумаге, был иллюстрированным изданием. Ориентировался он на «буржуазного и мещанского читателя», поэтому от Грабаря требовали писать о художниках, которых он именовал «любимцами мещанских гостиных». «Как я ни старался хоть несколько переключить “Ниву” на приличные художественные рельсы, мои мечты и хитроумные планы разбивались о личный вкус Маркса... И все же упорно и медленно, тихой сапой, мне понемногу удалось внести – правда, в самой скромной дозе – освежающую струю в подбор картинок из иностранных журналов и с русских выставок. На страницах чопорной “Нивы” постепенно стали появляться художники, которые за несколько лет перед тем и мечтать не могли о такой “чести”. Тексты тоже значительно изменились, и к середине 90-х годов В. В. Стасов, встретившись с Марксом на Передвижной выставке, крикнул своим зычным голосом на весь зал: “Вам тут нечего делать, Адольф Федорович, ведь тут декадентских картин не бывает, а в “Ниве” давно уже свили гнездо декаденты”».

Весной 1896 года «Нива» устроила Грабарю зарубежную командировку, пообещав ежемесячный гонорар в сто рублей за обещание регулярно присылать статьи о современном западном искусстве. Так Грабарь оказался в Париже, где все прошлые его представления о живописи претерпели серьезные изменения. «Я был огорошен, раздавлен, но не восхищен. Был даже несколько сконфужен. Помню, одна назойливая мысль не давала мне покоя: значит, писать можно не только так, как пишут... Бенары, Аман-Жаны и другие, – но и вот так, как эти». Подобную реакцию у начинающего критика и бывшего ученика Академии художеств вызвало посещение лавки некоего Воллара на рю Лафитт, где он увидел «написанные в странной манере картины». Из названных хозяином имен он сумел тогда запомнить лишь три: Гоген, Ван Гог, Сезанн. Вскоре Игорь Грабарь написал «Упадок или возрождение?».

«Наше время – это дни не упадка, не страстей мелких художников – это дни... надежд и упований. <...> Теперь, когда мы дожили до времени такого возрождения, когда являются братья великих мастеров прошлого... должно быть, недалеко то время, когда явятся люди, которые сумеют... двинуться дальше... Кто будут эти желанные люди, в каком направлении они сделают свой шаг вперед – этого сказать нельзя». В довершение Грабарь пренебрежительно отозвался об академизме и натурализме и заявил, что право на существование в искусстве имеет не только «правда жизненная», но и «правда художественная», а кроме «впечатления глаз» есть еще и «впечатления чувств», что, собственно, и провозгласили импрессионисты.

На читателей очерк «Упадок или возрождение?», по словам ее автора, произвел «эффект разорвавшейся бомбы». В числе читателей оказался и Сергей Иванович Щукин, который, как напишет спустя тридцать лет И. Э. Грабарь, «по натуре и темпераменту был собирателем искусства живого, активного, действенного, искусства сегодняшнего, или, еще вернее, завтрашнего, а не вчерашнего дня». Насчет «завтрашнего дня» и «спортивного азарта» Щукина, «любившего позлорадствовать над толстосумами, берущими деньгой, а не умением высмотреть вещь», Грабарь попал в самую точку. А вот насчет того, что особое удовольствие Сергею Ивановичу доставляла дешевизна еще не «омузеечных» картин, слегка переборщил, как и насчет того, что картины величайших мастеров XIX века при жизни их авторов стоили сушие пустяки. Случалось, конечно, и С. И. Щукину платить по триста франков, а то и меньше, но по большей части картины доставались ему отнюдь не за бесценок. Даже импрессионисты, которых он начал покупать с легкой руки своих парижских родственников – Ивана Щукина и Федора Боткина, стоили тогда, конечно, не сотни, а тысячи, а иногда и десятки тысяч франков, примерно столько, сколько хорошие русские картины.

Возможно, не окажись в нашем распоряжении писем сына Сергея Ивановича, мы бы продолжали считать, что именно статья Грабаря решила судьбу коллекционера С. И. Щукина. Вот что ответил в 1972 году Иван Сергеевич Щукин на вопрос А. А. Демской, откуда у его отца появился интерес к новой французской живописи: «Думаю, что это произошло под влиянием

его брата Ивана Ивановича, у которого было уже в это время небольшое, но хорошее собрание импрессионистов. Сергей Иванович мог видеть произведения лучших мастеров этой школы. Статья Грабаря (товарища по гимназии Ивана Ивановича) и общение с Ф. Влад. Боткиным (милым дилетантом) никакого значения не имели в деле собирательства Сергея Ивановича. Наоборот, он считался с мнением своего брата, с которым был очень дружен... После смерти Ивана Ивановича часть его картин досталась мне».

Всю жизнь избегавший расспросов о коллекции отца, Иван Сергеевич Щукин сделал два исключения. За несколько лет до своей смерти он ответил на письма А. А. Демской и согласился встретиться с американкой Беверли Кин. Не будучи ни историком, ни искусствоведом, не зная ни русского, ни французского языка, Кин была настолько потрясена увиденным в музеях Москвы и Ленинграда, где побывала в конце 1960-х, что взялась за исследование феномена «Щукин – Морозов» и написала прекрасную книгу «All the Empty Palaces» («Покинутые дворцы»). Благодаря возможности (в том числе финансовой) путешествовать по миру, она полетела в Бейрут к Ивану Сергеевичу и повидалась в Париже с внуком С. И. Щукина Рупертом Келлером. Так что время от времени мы будем ссылаться на ее беседы с ними.

Итак, все-таки не Грабарь, а Иван Иванович «зажег интерес» к импрессионистам, которых в России «ни в оригиналах, ни в репродукциях» в середине 1890-х не видели – если не считать нескольких полотен Дега, Моне и Ренуара, показанных на Французской выставке 1896 года. Большинство посетителей были шокированы этими «диковинными картинками», но кое для кого они стали настоящим откровением: неизвестно, как бы сложилась судьба Василия Кандинского, а заодно и абстракционизма, если бы студент-юрист не увидел на той выставке пейзаж Моне.

Надо признать, что импрессионизм в Россию пробивался с трудом: русской живописи в отличие от французской сложно было выйти из-под сильного влияния литературы, во власти которой она находилась. Невозможно себе представить, вспоминал Бенуа, «до какой степени русское общество было в целом тогда провинциальным и отсталым. В музыке и литературе русские шли в ногу с Германией, Францией, Англией, иногда даже заходили вперед и оказывались во главе всего художественного движения. Но в живописи и вообще в пластических искусствах мы плелись до такой степени позади, что больших усилий стоило и передовым элементам догнать хотя бы “арьергард”... Русское общество, когда-то умевшее оценивать мастерство как таковое... заостенело в 1870-х годах полным равнодушием к чисто художественным задачам, что, между прочим, сказалось и на коллекционерстве».

Новое искусство противоречило тогдашним вкусам отнюдь не в силу новизны живописной техники, но в силу совершенно иного отношения к миру. Импрессионисты отбросили все, чем пользовались их предшественники-реалисты для объективной передачи мира: свет стал для них главным и единственным элементом реальности, с помощью которого они фиксировали меняющиеся состояния природы и вещей. Художникам-импрессионистам, устроившим первую групповую выставку в 1874 году, удалось добиться признания лишь в 1880-х, причем во многом благодаря многолетним усилиям Поля Дюран-Рюэля, торговца картинами и коллекционера.

Весной 1898-го, спустя год после публикации статьи «декадента Грабаря», в галерею Дюран-Рюэля на рю Лафитт зашли трое русских – братья Сергей и Петр Щукины, а с ними их кузен Федор Владимирович Боткин²⁸. Боткин вызвался сопровождать московских родственников, проявивших интерес к современной живописи. Парижский маршан, у которого многие

---

²⁸ Ф. В. Боткин (1861–1905) окончил юридический факультет, потом уехал в Италию, учился в Миланской академии, приехал в Париж в 1893-м, выставлялся в парижских Салонах, писал под сильным влиянием Мориса Дени и набидов. В России, писал в его некрологе в «Историческом вестнике» И. И. Щукин, Боткина «знали мало, разве по слухам, и по русской привычке, не видя его вещей, усердно за глаза бранили... Для большинства же особенно гордых своим невежеством российских мастеров он так и остался каким-то причудливым декадентом заграничной формации».

годы покупали картины Д. П. Боткин и С. М. Третьяков, а потом и И. И. Щукин, был в добрых отношениях с Федором Боткиным²⁹.

У Дюран-Рюэля были выставлены последние, совсем свежие работы Камила Писсарро. «...Мои “Оперные проезды” развешаны у Дюран-Рюэля. У меня отдельный большой зал, там двенадцать “Проездов”, семь или восемь... “Бульваров”», – писал сыну патриарх импрессионизма, которому в 1898 году было уже под семьдесят. Братья Щукины соблазнились парижскими видами и купили себе по картине. Петр выбрал «Площадь Французского театра», заплатив за летний пейзаж с зелеными кронами каштанов четыре тысячи франков (порядка 1600 рублей, что примерно втрое дешевле, чем стоили тогда пейзажи Левитана). Сергей через год приобрел более романтичный «Оперный проезд», к названию которого художник-импрессионист приписал: «Эффект снега. Утро» (когда Писсарро писал площадь, день был пасмурный и в Париже шел град).

---

²⁹ В январе 1899 года Ф. В. Боткин обращался к Илье Остроухову, мужу своей кузины, с просьбой «дать указания для осмотра Москвы с художественной стороны и искусства, старого и нового» молодому Дюран-Рюэлю, едущему на выставку «Мир искусства» в Петербург.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.